

II DC
285808

Александр Пушкин

ТРИ
ПОЭМЫ

СП

Александр Яшин

ТРИ
ПОЭМЫ

Д 285808
Д

Советский писатель
МОСКВА · 1955

МАТЬ
и
СЫН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смолью сдобренный воздух.
В реках дна не достать...
Верю, рано иль поздно
Дома буду опять.

Мох застелет дорогу,
Колеи не найти, —
Дятлы стуком помогут
Мне не сбиться с пути.

Белки с ветки на ветку
Сквозь густую тайгу
Прямым на разведку
Впереди побегут.

И волшебный помчится
Тонкой пряжи клубок,
Чтобы я закружиться
В буераках не мог.

А зимою холодной
По дороге домой
Тем клубком путеводным
Будет сердце само.

Как быстро в лето перешла весна!
В аудиториях запахло сеном.
Легко ли усидеть до перемены:
У самого окна шумит сосна,
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвечивают стены.

Как стрелы — в небе черные стрижи.
Галдят грачи и галки над оградой.
За город вырваться хотя бы на день!
А тут корпи — зачеты, чертежи...
И появлялись на полях тетрадей
Речушки, елочки, полоски ржи.

Уже сговаривались — кто куда
Поедет на лето:
Страна богата,
Везде хотелось побывать ребятам.
И вот рвались в большие города,
К морям —
Ужель там до́ неба вода?
К горам —
Ужель и впрямь земля горбата?

Василий сдал последний свой зачет,
И что-то вдруг напомнило дожинку,
Последний сноп.
Теперь бы квасу кринку!..
Друг путешествовать его зовет,
Да не на юг —
И дома все в новинку!

Взять удочки, палатку и — в поход
На север от селенья до селенья,
В Великий Устюг,
Дальше по теченью...

Но тянет к матери:
Уж третий год
Родная сына на побывку ждет,
Наверное, не спит от нетерпенья.

Всегда больная, в вытертом платке,
В дырявом домотканном сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных
И перед кем
Не кланялась, робея? Перед кем
Не плакалась?
Спала в чуланах, в бане...

Искала счастья.
Только годы шли.
Состарилась под окнами чужими
И лишь на кличку отзывалась —
Имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон: не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора,
Перебиваться становилось нечем,
Они ходили вместе по дворам
За милостыней,
Спали по углам,
Где приведется, где застанет вечер.
И он, Васёк, Васютенька, ей был
И утешеньем в жизни и надежей,
Что вырастет и матери поможет,
Не сглазили бы лишь его судьбы...
Порой молилась богу:
«Дай ты, боже,

Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла!»
Ведь все по-новому пошло недаром:

При новой власти можно комиссаром,
А можно стать учителем, дела
Шли по-людски б,
Она бы зажила —
Корову бы доила, лен пряла,
Своим обзавелась бы самоваром.

И чтоб сына в детдом устроить, мать
Не раз ходила в город, хлопотала.
Но без него сильнее затосковала.
Сын, правда, стал учиться...
Да ведь мало ль?
К добру ли? Да пробьется ли — как знать?

Василий рано начал понимать,
О чем она молилась и вздыхала.

И вот он вынул вещевой мешок,
Взял хлеба, сала — ведь долга д о р о г а! —
На подбородке пощипал пушок
И вслух сказал:
— Готов! Чего еще? —
Но в голосе его была тревога.

От матери шли письма редко. Мать
В последний раз писала, что на свете
Еще есть бог, что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:
Старик, к которому ходила жать, —
Вдовец Михайло, — вдруг надумал взять
Ее в хозяйки, в жены,
Сам приветил;

Что у нее теперь есть свой домик, —
Весь двор мычит утрами и кудахчет...
Жизнь муторная кончилась,
Сынок
Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

Сначала с пылу сын решил: ему
Идти нельзя к ней — мать кулачкой стала.
(Кого-кого — Михайлу с детства знал он!)
Но любящее сердце подсказало:
Батрачит, верно, как и встарь. К тому ж
Видней все будет после, на дому;
Он должен повидать ее сначала.

Василий был суров не по годам.
К чужим попавший чуть ли не в пленках,
Напоминал он людям иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого, лихого ястребенка.

Но сколько б раз ему заговорить
О матери своей ни доводилось,
Его лицо печальным становилось:
Умел жалеть он, помнить и любить.

Да и в полях охота побывать,
В лугах, в лесах —
Там лето в полной силе.
Что за малинники в заречье были!..
Решил письмо ребятам показать,
Друзьям своим.
Друзья как отрубили:
— Ты ей не сын! Она тебе не мать!
В детдоме жили мы с тобою?
Жили!

Дружили, породнились?
Еще как!
Так что же ты о нас-то не подумал?
Чтобы тебя как гостя встретил враг?!
Чтобы с тобой беседовал кулак?!
Спать, есть пойдешь под крышу толстосума?..

Легко сказать: ты ей теперь не сын,
И, дескать, матерью своею брошен!..

Все так: в детдом голодным и босым
Он взят был, как зайчонок с полосы,
И жизни раньше не видал хорошей.

Но брошен ли?
Не верится, чтоб мать
Вдруг стала сразу для него чужою.
Нет, мать забыть — что родину предать...
— Пойду! — решил он.
Где ребятам знать,
Чем связан он с родимой стороною!

Решил — и легче стало. Башмаки
Проверил: топать по корням, по лужам;
Встряхнул мешок — ремни еще послужат.

Стрекочут за обоями сверчки.
Грачи над общежитьем у реки,
Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ох, и лес, ребята, ох, и лес!
Говорят, что сосны до небес,
До небес, до туч...
Легко сказать, —
Неба в соснах вовсе не видать.

А болота!
Только забрести —
Не найдешь обратного пути,
Разве что охотники спасут,
Не путем их ноги занесут.

И, живя в лесах до ста годов,
Люди не видали поездов.
Поездов все нет, но самолет
Что ни день над головой плывет.

* * *

Каким большим он помнил этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,

Где было все живым
И все полно чудес,
Знакомым с детства, дорогим и страшным..

За кузницей глухой овраг, а там
Ютились ведьмы, оборотни, звери.
Какие — кто видал? Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночным и старым сказкам верил.

Поют, как раньше, по садам скворцы,
С ветвей рябин свисает паутинка.
Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые —
В пупырышках, в ворсинках.

Пусть радостей не знал он здесь, кругом —
Труд беспросветный да нужда лихая,
А не было милей на свете края.
О детство незлобивое! Все — дом!
Все — свой порог!
Все — сторона родная!

Мальчишества беззлобная пора!
Как нас ни унижали, как ни били,
Все ранние обиды мы забыли,
Когда в былое отошло в ч е р а,
Остались в памяти лишь вечера,
Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

Зеленый свет без края, без конца...
Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...

С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

Взглянул, взгляделся — можно ль не узнать?
Но все не веря долгожданной встрече,
Он бросился навстречу:
— Мама! Мать! —
И стал ее неловко целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилося в яму.
И вот уж собралась толпа девчат
И баб неуповорот, и все кричат,
И ахают — не оберешься гаму.

— Вот повезло!
Сама, вишь, привилась
К готовому, и парень вышел в люди, —
Но Аграфена слушать пересуды ✓
Не стала, гостя за руку взяла
И мимо баб в хоромы повела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
Тут все свое. Вот явится родитель. . .
Все это — двор, амбары, теремок —
Никто, как бог,
Никто, как муженек,
Радетель наш построил, вызволитель.

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли, Огреной не зовет —
Графинюшкой все больше. То-то вот. . .
А уж тебя бывало ждет-пождет:
Мол, скоро силой станет сын в округе.

Василий растерялся — рад, не рад?
Смотрел на мать:
Согнулась, исхудала,
И почему-то неспокоен взгляд...
— Здорова ль, мамонька?..

...А с год назад
Огрена у Михайла поле жала.

Он овдовел, Михайло. (Почему? —
О том лишь богу да ему известно.)
— Как жить тут, — говорил он, — одному:
Хлеб не сдал — штраф,
Не вышел в лес — в тюрьму?
Ну, прямо — перекинь на горб суму
И уходи —
В родной деревне тесно...

Нет, кулаком себя он не считал:
Ведь — дом как дом...
Ну, пять коров... ну, лошадь...
Он обхождением славился хорошим,
Работал сам,
Работе цену знал,
А батраков держал двух-трех, не больше.

Году в двадцатом в бане за двором
Домашнюю устроил мыловарню,
За обучение знающему парню
Платил позеленевшим серебром,
За мыло рожью брал, —
И крепнул дом.
До двадцать третьего все шло куда с добром,
Но донесли, и он, захлопнув баню,

Подался в волость продавцом служить.
«Усушка» объявилась, он — в контору,

«Утечка» обнаружилась — он скоро
В деревню перебрался.
Так и жил:
Пил только за компанию, дружил
С людьми из города,
И сам шел в гору.

Да ждал войны, ох, как он ждал войны!
Возня с обрезамн не увлекала:
Власть у Михайлы корни подрубала,
Ему безделки были не нужны,
Так мстить хотел, чтоб вся земля пылала.

Когда же беднота его взяла
За ворот, надо было примениться
И к ней, и хоть жена не рукавица,
А сбросил все же: баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.

Огрена сразу словно ожила:
Еще бы замуж ей не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила —
Все без толку, зазря пропала сила;
А сколько хлебушка измолотила,
А сколько скотных обошла дворов,
Каких коров по найму не доила!

И ни единой кринки молока
Себе не надоила, хоть дрожала
Над каждой каплей, все казалось мало;
Телят выхаживала — ни телка
Себе,
А сколько жала — под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая с неба благодать,
Такая вдруг удача привалила!
Огрена для приличья погрузила
И согласилась.
Сыну написать
Решила тут же: больше, мол, страдать
Нужды нет, приезжай, мол, Вася, милый...

Все было просто:
Поутру на стол
Михайло, покрестившись на икону,
Бутылку водки вынес,
Стол обмел
И — тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе, по закону,
С собою рядом посадив Огрену,
Неторопливо сватовство повел:

— Коль зло какое было — зло забудь.
Входи, Огрена, правь и будь как дома,
Будь Аграфенушкой, графинею будь,
Не казачихой — большачихой¹ будь
В амбарах, в погребе, в моих хоромах.

Из загса к вечеру вернулись — он,
Еще не раздеваясь, от порога
Ей указал на три угла икон:
— Благодарю Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля
И бойся бога...

А через две недели снарядил
Ее в Совет.

---

¹ К а з а ч и х а — на севере работница, батрачка.
Б о л ь ш а ч и х а — хозяйка дома.

Она три дня ходила,
Ревела и Калинин грозил,
Чтоб твердое задание снято было.
Добилась.
И Михайло поступил
На службу «по призыванию» — в Союзмыло.

Огрена воевала за свое.
Хозяйкой став впервые, как в угаре
Она бродила.
Это ль не житье:
Полны зерном все закрома в амбаре,
Полны добром чуланы. . .
Все — ее?
Ужели все в дому теперь — ее? . .
А сколько же гербов на самоваре?

А что в подполье?
Что в шкафу? В ларе?
Что в сундуках и что за сундуками?
(Все сундуки стояли под замками.)
Огрена поднималась на заре —
Хотелось перетрогать все руками.

Петух под окнами трубит в трубу,
Разлегшись, боров стонет —
Стой и слушай!
У конуры,
Привязанный к столбу,
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Завидовала всем,
Сама теперь
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась,

Проверяла дверь:
«Жизнь!.. Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса бранила: — Чтоб ты сдох! —
Второй замок привесила к ограде.
Все нынче есть, что Аграфене надо:
Был сарафан — теперь ей мало трех,
Был бог, как и у всех крещеных бог, —
Теперь их два:
И вышний бог не плох,
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?! Не велика семья,
А пять коров... Да ну-ка, посчитай-ка:
Пяток овец, три борова, свинья,
Две казачихи...
И над всем-то я,
Я, Вася, надо всем сама хозяйка.

Заторопилась, скатерть постлала,
Сходила нарвала на грядках луку.
— Тебе яиц или свиного туку?
Уж так-то плакала я, так ждала!.. —
Пошла в чулан,
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

«Закрыто...» Застыдилась:
— Сам большой¹
Ключи-то взял. А я, все я хранила! —
И заметалась. Уронив горшок,
Котенка пнула:
— Брысь, нечиста сила! —
Окно открывла: — Бабы, сын пришел.

---

¹ Большой, большак — глава семьи, дома.

Уж так-то ладно все да хорошо... —
Но в избу ни одной не пригласила.

«Пол только топчут...»
Бабы разошлись.
Василий поглядел в окно, на крыши,
На небо серое, что крыш не выше,
И муку матери —
Какая это жизнь?! —
Вдруг ощутил —
Как будто стон услышал.

Иное счастье грезилось ему,
И мать хотел устроить по-другому.
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить, чемдохнуть в этом «терему»,
Полы выскабливать в чужом дому,
Копить добро, служить всему чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васюта, в стойле конь:
Меня увидит — ржет, чужой — не тронь...
Ну, как из сказки, прямо конь — огонь,
Яга от зависти б сломала ступу.

Уж и не помню вот, по сколько в час:
Хвост — в подгоре, а грива на угоре...
— Что ж, покажи!
— Да... стойло на запоре.

Вошел слепой. Сказала:
— Бог подаст! —
Но передумала. — Который раз
Пришел? — спросила. — На! Молись за нас! —
И задержалась взглядом, как на воре.

— Сколь этих нищих ныне развелось —
Проходу нет! Отколь, скажи на милость?
Трудились бы, так нет! Глядят небось,
Как бы кого обчистить довелось...

Огрена набожно перекрестилась.

* * *

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей и шум тепла в трубе.
И вдруг ударил ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Затопотали по железной крыше.

Промокшие до нитки,
До костей
Продрогшие, в залатанной одеже
Вбежали девушки. Таща пестерь¹,
Вошел и сам.
— О, бог послал гостей!
И я до радости под старость дожил.

Он был, как сыч, невиден, но глазасть,
С раскинутыми крыльями-руками
И с носом птичьим,
Только над бровями
Морщины громоздились пласт на пласт;
Такому если бог чего не даст —
Он за чужое схватится зубами.

— Так, значит, проживаешь в городе? —
Заокал он Василию. — То гоже!

---

¹ Пестерь — заплечная из березового лыка плетенка, кошель.

Кому чего положено в роду.
Ты на окладе, стало быть? Я тоже,
Да небольшой вот дом еще веду.
Домок и служащему нужен все же.

Огренишка, подай-ко огурцов
Да водочки остаточек! —
И вынул
С ключами из-за пазухи кольцо. —
Я, стало, довожусь тебе отцом?
Ну, что же, — рады коммунисту сыну.

И, у окна устроившись, повел
Раздумчивую, дельную беседу
Об устроенье жизни, о победах
Большеви́ков, о том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы. . .
Но не порок и бедность;

О том, что вот со жнивой чуть просрочь
И спелый колос все зерно обронит;
Что «ономедни подошли помочь
Племянницы. . . Еще ночуют ночь. . .»
И тут Михайло подмигнул Огрене.

Он выдал ей
(«Такой сегодня день,
Давай-ко, оборачивайся, делай!»)
Яиц, тучку и даже мучки белой.
И вот защелкало и зашипело,
Запело сало на сковороде.

Подав на стол, Огрена за шестком
Остановилась, на Васи́лья глядя:
«Сыночек мой! На старости награда. . .»
Сын вдруг заметил:
Мать не за столом.

Бойтся, что ли?

— Мама, сесть бы надо!..

— Да вы-то кушайте! Я что... Я так...
потом...:

Михайло — тоже:

— Что ж ты? — И перстом

Ей указал на лавку, с сыном рядом.

Потом, когда настало время спать,
Сказал:

— Устал ведь сын-то за дорогу,

Его на нашу положи кровать,

Мы на полатях будем ночевать. —

Огрена радовалась и молилась богу.

* * *

А сын невесел будто. Почему?

Стесняется, наверно...:

Звонким лаем

Собак, возней кошачьей за сараем

День начался...:

Теперь они в дому

Вдвоем остались, и она ему

Сказала воровато:

— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный черт,

Косясь на желтую в медяшках сбрую.

Огрена хвалится:

— Смотри-ка вот,

Ученый конь, глазами так и жрет.

«Дай ногу!» — скажешь,

Ногу подает,

«Поддай другую!» —

Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
К колодцу ткнулся, обезумев, хряк,
Когда лихой, подтянутый рысак
Пошел плясать, поёживая басом.

Деревня с визгом жалась к стороне.
Взлетала над ухабами корзина.
Огрена правила сама: коней
Она любила; муж ушел, а ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля, тереби! —
Молила шепотом она сквозь зубы. —
Пляши, родимый, топай, толстогубый! . . —
Мелькали палисадники, столбы,
А небо то вставало на дыбы,
То опускалось на сады, на трубы.

Горяч рысак — не натяни вожжй.
«Вот на таком невестой выезжать бы! . .»
И вспомнила Огрена свою жизнь,
Украденную молодость во ржи —
Обидную несправленную свадьбу.

И так дышала, словно никогда
Уж не дышать ей больше.
Лошадь взмокла. . .

Зло огрызались бабы у пруда,
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный, недобрый:
В хлев не зашел, не осмотрел двора,
Как будто в них ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло был покладист, как вчера:
Ждала — ругать начнет,
Он все одобрил.

* * *

Пылью избы занесло,
Свищет ветер в поле.
И на сердце тяжело,
Тяжело до боли.

Ждет Василий, чтоб гроза
Освежила лето.
До того болят глаза,
Что не видно света.

Будто пыль со всей земли,
Все пески, что в поле,
Прямо на сердце легли —
Тяжело до боли.

* * *

В деревне было сто дворов. Кругом
Леса и пашни.
В три рядá — посада
Тянулись избы с трех полей на холм,
И здесь был центр села, «угор»; на нем
Часовня с куполом;
Как всякий дом,
Часовенка стояла за оградой;
Конечно, и калитка с петухом,
Скамья, конечно, и колодец рядом.

Сюда по праздникам, по вечерам
На круг, на пляску девушки сходились;

Здесь на досуге мужики судили,
Когда косить, когда пахать пора;
Охотники похвастаться любили —
Они всегда на сказки мастера...
Ходил к часовне этой и Василий.

Как свой — к соседям.
И, казалось, все
Раскланивались с ним по-свойски просто:
Уж он не нищий,
Да и не подросток.
— Василий Николаич, вы совсем
В деревню к нам иль в гости?
— В гости, в гости!

Все шло как надо.
Только замечать
Василий стал, как иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат,
Иль засмеется кто-то из девчат,
Закашляются старики соседи:

Что ж, мол, Михайло... может, и кулак,
Но человек же...
Ничего, гостите.
А впрочем, сами — вам видней! — смотрите,
Судите сами — что к чему и как...

Иные просто не скрывали зла,
С его приходом становились строже:
В глаза глядят, но как из-за угла,
А шутят так, что — холодок по коже.

И уж совсем не шли дела на лад,
Согласья не было с Петром Валовым.
Тот у Михайлы много лет подряд
Батрачил,

И «наследника» был рад
Поддеть при случае веселым словом:

— Как вас теперь — на «вы» или на «ты»? . . .

. . . В селе Валова звали «Долог-Тонок»:
Что весла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный, беднота из бедноты,
Покладист и доверчив, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Но, жизнь любя, Петр сетовал немало,
Что старость близко и уж, как бывало,
Не грохать на угоре каблуку;
Что бабы нет своей,
А мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности Валов,
И запевала и плясун когда-то,
Невест немало разных пересватал —
И старых дев
И даже старых вдов
С коровами, а чаще без коров,
Но сваты были, что ль, не тароваты?

И за него боялись выходить:
«Веселый, — говорили, — да не сытый;
И сруб — не дом, коли стоит не крытый. . .»
Лишь горничная сельской попадьи
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее ушел побитым.

Большая, мягколапая, она
Мурлыкала:
— С тобой не жизнь — веселье! —
И сладко пахла липкой карамелью. —

Считай, что я уже почти жена,
Но только, Петя, музыка нужна,
Чтоб танцевать на нашем новоселье.

Есть у Михайлы старый граммофон;
Труба что колокол, в трубе вся сила.
Я на твоём бы месте согласилась
Три года проработать — есть резон!
Ну, а Михайло не поспорит, он
За два отдаст. . .
Уж я договорилась.

Петр две страды за «музыку» трубил,
Сил не щадил, дня не бывал на месте,
Пни корчевал в полях, дрова рубил,
Но в чём-то под конец не угодил,
И вот — ни граммофона, ни невесты. . .

. . . — Так как же вас на «ты» или на «вы»? —
Он спрашивал Василья. — Сделай милость,
Скажи! —
(И гостю жутко становилось.) —
Михайле не сносить бы головы,
Когда б Огрена с ним не породнилась.

А с вами он и вовсе не кулак.
Мы тут мечтаем о колхозном деле,
Так вы бы о Михайле порадели.
Пишите заявление:
Так и так,
И мыловары, мол, нужны в артели.

Иль так порою начинал Валов:
— Ну, как наследство? Принял все по форме?
Теперь тебе, я думаю, тепло,
Поди, свиной да блинами кормят? —
И сам как захохочет. . .

. . . Тяжело!

Любил Михайло летом перед сном
С цыгаркой сесть на бревна под окном.
Ни голосов вокруг,
Ни ветерка. . .

Василий следом за Михайлом вышел
И, торопясь, не оробел пока,
Спросил:

— К чему ты связывался с нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика —
Ужель невесты не нашел почище?

Михайло брови поднял. Желваки
Вдруг заиграли.
— Что вы! И в помине
Здесь этих псов, — сказал он, — нету ныне.
Ну что у нас, в лесу, за кулаки?
Мы от всего такого далеки.
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

Я линейей партийной дорожу.
Батрачки — говорите? Я их сроду
Не нанимал. Племянниц вон держу,
Так — для добра. . .
Я, как и вы, служу —
Вы сами понимаете — народу. . .

Ночь летняя светла и коротка.
Прошла к колодцу первая старушка.
Из ничего рождались облака,
Как будто чья-то сильная рука
Строгала небосклон и по бокам
Охалками раскидывала стружку.

За палисадом вздрогнул первый лист...
Михайло встал.
Он понял, что некстати,
Зря, попусту слова и время тратил.
— Ты, стало быть, еще не коммунист? —
Сказал Василию он. — А речист...
Ну, что ж... Светает. Посидели...
Хватит!

* * *

Когда в дому раздоров не изжить,
Кто может горе матери измерить?
Огрена плакала и не могла поверить,
Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось всех перемирить!
Конечно, муж поглядывает зверем,

Но сын-то, сын! Ему бы все — добром,
Ведь до какого счастья парень дожил:
К нему по праву перейдет весь дом,
И утвердился б он навеки в нем
С женою работающей да пригожей.

Не радуется! Чем его пронять?
И уж она и так, она и этак,
И про коров ему, и про коня...
Молчит — и только.
Васю не узнать.
— На что, сынок, теперь тебе пенять?
Не любо, что завидуют соседи?

Молчал Василий.
Что он мог сказать?
Какую мог пообещать ей малость?
А надо отстоять ее, отнять...
Учебы две зимы еще осталось.

Еще два года — и он смог бы взять
Ее к себе, чтобы утешить старость.

И, выбрав время, с наступленьем тьмы,
Обняв ее, заговорил он прямо:
— На кулака позарилася, мама? ..
Иль нет другой дороги от сумы?
Иль думала — не справиться самим?
Нет, жизнь не та... травы не ниже мы... —
Огрена брови сдвинула упрямо.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине,
Мы от всего такого далеки.
Уж если есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак — какой же он кулак?
Мужик как все, и никого не хуже...
Живет на жалованье — стало, нужен.
Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло служащий, а не кулак:
При месте он, и сам народу служит.

— В народе-то о нем и говорят,
Что он не служит, а народ, мол, грабит.
— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти:
Михайло, вишь, богат.
Радеть о доме, Вася, каждый рад,
Да ведь не ббйки и умишком слабы.

— «Племянницы», — Василий наступал, —
Лишь у одних у кулаков бывают.
— И полно, сын! Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да ведь не выдюжить, достаток мал;

Ну, зло берет...
Вот бабы-то и лают.

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все и был вдвойне
С Огреной утром ласков:
Звал «Огрешей»,
Моей «графинюшкой», «моей хорошей»...
Ключи ей передал, сказал: — Жене
Всем володеть, коль будет жить по мне. —
И потрепал, погладил по спине,
Как верную, обвезженную лошадь.

Но вечером, узнав, что ополдня
Огрена жарила оладьи сыну
И вынесла из погреба свинину,
Он в дом вошел косясь, весь свет кляня,
Шипел, подталкивал ее, гонял,
Совал костистым кулачищем в спину.

— Беда двору, коль курица поет
По-петушиному.
Жена что кошка,
Пусти за стол — и наживешь хлопот.
А тут еще какой-то обормот
Не ждан, не зван пришел к тебе, и вот
Ему — кровать,
Ему — большая ложка.

Огрена сникла: в угол за шесток,
Как в щель, забилась. Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.
Василий думал:
«Может, впрок урок —
Глаза откроются...»
Но мать вздохнула

И отошла, ни слова не сказав.
А только стихли ругани раскаты

И муж полез за стол, под образа,
Огрена по-собачьи, виновато,
Покорно глянула в его глаза,
В зеленые Михайловы глаза,
И бросилась греметь в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Чужою показалась мать, горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась! Причитала,
Как будто спорила с собой, вздыхала,
Шла в погреб с кипяченым молоком,
Да не дошла, к поленнице припала
И растирала слезы кулаком.

Вся жизнь пред ней как пустошь за двором
Крапивная — в колодинах и в ямах:
Все до вершка завалено камнями.
Дня не было, чтобы прошел добром...
Все втоптано,
Все полито слезами.

И литься им да литься... На куски
Душа изорвана...
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала бы, плакала с тоски,
Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал бывало.

Сын видел все и вот уговорить
Решил ее поехать сразу в город.
— Ты, мама, будешь в общежитье жить,
Со мною вместе,
Там начнешь служить:
Белье стирать, полы мести и мыть,
Потом... Колхозы в селах будут скоро.

И яученье кончу. Положись
На сына, мамонька. Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет, замает... —
У матери слеза в глазах дрожит.
— Васютенька, сынок!.. Опять к чужим?
Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.
— Но, мамонька, да ты и здесь — чужая!

Мать выпрямилась, словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.

— Ты ослеп неуж?

Михайлу хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик справил.

— Он, мама, царь и бог...

— На то и муж.

— Зачем же бьет тебя он?

— Бьет по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет, так будто и не лихо.

— Все от тебя закрыто.

— Он — большак!

— Батрачка ты!

— Нет, Вася — большачиха.

* * *

На гумнах, за дворами, по домам

Давно уже ходили разговоры:

— В хомуг Огрена сунулась сама,

И сын — набрался в городе ума! —

Туда же лезет,

Там же будет скоро.

Василий горячился, но в ответ

Шутили да плечами пожимали:

Мы ничего, мол, слыхом не слыхали,

До ваших дел нам вовсе дела нет.

По деревням заем распространяли,
И днем пришел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем, нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиною целый угол,
Сидел один, потея, как над плугом,
Над сводками, где на числе число.
Все с революцией к нему пришло,
Лишь арифметика давалась туго.

Василья встретив, он оставил счет.
— А! Знаем, — говорит, — как поживаем?
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
Образованье каждому дает.
Ну, как вы там? Ученье как идет?
Наслышались: приехал и живет,
Мол, у Михайлы... Или врет народ?
Или не врет он?
И Михайла знаем!..

И председатель шурился, щипал
Бородку, двигал хитрыми усами.
Все выпытал, все выпросил, узнал,
А поручения давать не стал.
— Управимся, — сказал, — тихонько сами.

Василий встал, не видя ничего,
И председателю руки не подал.
Он принял недоверие его
Почти как отлученье от народа.

* * *

Дорога шла болотом, через гать.
Журавль покрикивал в траве высокой.
И было непривычно одиноко.
В душе смятенье:
Как оставить мать?
Мать позабыть — что родину предать...

Свернуть с тропы, упасть да зарыдать,
И рвать зубами горькую осоку!

Лес окружал его крошечной тьмой.

И вот представилось:

Он снова нищий. . .

Один. . .

Василий сел на корневище,

Вздохнул:

Та-ак! Рвался человек домой,

Шел — песни пел,

А дома не разыщет.

К воде склонился: думалось, юнцом

Себя увидит. . .

Как он посуровел!

В болотной жиже, словно в луже крови,

Веснушчатое бледное лицо,

Донельзя сдвинуты густые брови.

Стоячая зеркальная вода,

Казалось, отразила ястребенка,

До срока выпавшего из гнезда.

Пора была не легкая тогда,

И все, переболев, перестрадав,

Взрослели рано мы, не по годам:

Глядишь, уже мужчиной стал мальчонка. . .

Василий посидел, набрал камней

И стал кидать с мостков за камнем камень,

Чтобы рассеяться.

Вода пошла кругами,

Густыми, розоватыми, и в ней

Явились сотни молодых парней,

Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск

Да брызги, как пыльца, —

И толпы одногодков проявлялись

Из одного скуластого лица;
Они то хмурились, то вдруг смеялись,
Шли вглубь, и вдаль, им не было конца;
И снова все в одном лице сливались.

Припомнились знакомые места...
Решение созрело:
В город, в город!..

Мать подала письмо.

«Ну, как ты там, —
Друзья писали, — рыжий, сирота?
Не прижился? Сбежишь, наверно, скоро?»

Иль дом нашел? Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...»
Василий думал:
«У меня семья
Одна со всеми. Сирота не я.
Вот мама у меня осиротела».

В ограду ночью вышел. Как в гробу,
Как в яме погребной, темно и душно.
Все спит, и лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да, сын сбежит.
Но этот чертов дом
Развалится.
Пора еще настанет —
И над Михайлой гром великий грянет,
Мы здесь порядок наведем во всем!

* * *

Еще все спало, куры свой насест
Не покидали — уж Огрена встала.
В сенях работниц грубо растолкала
И повела их к новой полосе.

Еще был след заметен по росе,
Стрекозы не летали —
Чуть светало.

За нею, так и не успев соснуть,
Взяв рюкзачок свой, мучась от зевоты,
Пришел и сын.
Явилась вдруг охота
Привычно спину над жнитвом согнуть,
Почуять запах ячменя и пота.
— Сядь, мама, отдохни, а я пожну,
Тебя и так сгорбатила работа.

Все никого дороже и родней
На свете не было. Ах, мама, мама!
В какой бы час, какими бы словами
Заговорить еще раз с милой, с ней? ..
Огрена разогнулась.
— Ты ко мне? —
И, улыбнувшись, развела руками.

— Я, Васенька, сыночек мой, авось
Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
— Я не об этом, мама, беспокоюсь.
— Зачем же серп тебе — ты нынче гость!
Есть вот запасный,
Но тупой небось. . . —
Василий взял — и вот за горстью горсть
Стал хлеб ложиться на крученый пояс.

Мать сноп нажнет, Василий — два снопа,
Завязывает через два наклона;
Сухие сразу ставятся в суслоны,
Сырые на просушку, на-попа.
— Ну и дотошный! Видишь, как напал!
Ну, работяга! — ахает Огрена.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь-де, мама, у тебя плохая,
Батрачишь, мол, и что-то про Михайла, —

Она поджала губы, стала рвать
Ячмень с корнями — не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб кормильца хаять.

И снова стали торопливо жать:
Василий — молча,
Мать — ворча, вздыхая.

Вокруг — все больше кепок и платков
И все слышнее влажный хруст соломы.
Шли мимо толпы баб и мужиков.
Одни остановились:

— Кто таков
Жнет у Михайлы? А, да тут знакомый. . . —
И отыскался хлеб для остряков:
— Василий Николаич, бог на помощь!
Вот бают, нет в деревне батраков,
А у Михайлы — трое. Счастье дому!

Огрена даже взвизгнула. Хлыщом
Кого-то назвала.

— Завидно, что ли? —
И завязалась перебранка в поле. . .

О чем просить и ждать чего еще?
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простившись, зашагал в заполье.

Он брел, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник — стороною,
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать, Христа звала на суд. . .
Так заблудившийся кричит в лесу,
И жалуется на судьбу,
И воеет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три года — время малое,
А не узнать села:
Вершатся небывалые
На родине дела.

Страда, страда великая
По всей земле идет.
Как прежде, горе мыкая,
Не хочет жить народ.

Уж трактор земли вешние
Пошел в поля пахать,
И кажется потешною,
Нездешнею соха.

За трактором гоняются
Мальчишки вдоль полос.
Старухи удивляются
Следам его колес.

Но никому решительно
Не кажется уже
Чудесным, удивительным,
Что здесь же, на меже,

Мальцы спешат заранее
Решить — кому кем быть:
Механиком, комбайнером
Иль тракторы водить?

* * *

Михайлы дом и темен и суров
Стоял, как после ливня грозового.
Шла опись всех наличных животов:
Сводили со двора овец, коров,
Считали,
Пересчитывали снова.

Пять мужиков в амбаре на весы
Ссыпали рожь, трясли пшеницу в сите,
Перегибали семя льна в корыте...
Все проверял и в книгу заносил
Член сельсовета, Аграфены сын,
Василий Николаевич — учитель.

Уж год как по путевке крайоно
С наказами и рика и райкома
В свое село с учительским дипломом
Пришел он;
Попросили заодно
Работать избачом,
И заодно
Колхозным счетоводом.
Как родной
В деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери в богатый дом
Ему дороги не было.
Вначале
Его у матери не раз видали.
Но сын твердил Огрене об одном:

Мол, брось все это, будем жить вдвоем. . .
И как-то даже пес, как на чужом,
Повис на нем,
Аж полы затрещали.

Теперь он снова был в ее дому:
На все решившись, не колеблясь долго,
Себя сменить он не дал никому;
Распутать этот узел самому
Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых
Был Петр Валов.
Он жил уже в колхозе.
Сюда пришел он с чувством правоты
И по-хозяйски строг был и серьезен.

Но, суд верша, он все же не забыл
О личном деле, о своей обиде,
Как здесь бессовестно обманут был:
Он две страды за граммофон трубил,
А граммофона так и не увидел.

Теперь он перешарил весь амбар,
Пока другие занимались хлебом.
— Найду! — кричал,
И где он только не был! —
Мой граммофон!
Моя теперь труба! . . —
Он вынести хотел ее для баб: —
Пускай хоть раз споет под нашим небом!

Как в праздник, под окном шумел народ.
Одни смеялись, плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет и на весь приход
Вопит Огрена. . .
Но потребуй сход —
Любой пошел бы, верно, в понятые. . .

И вот на улицу, прижав к груди
Корзину с допотопным граммофоном,
К народу, к детям вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи! —
И щупали:
— Сундук с замком...
— Зеленый...

Седой старик, зажав клюку меж ног,
На граммофон косился, как на чудо,
Он опасался: не было бы худа,
Но любопытства превозмочь не мог
И из толпы не уходил покуда.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистив их от плесени и пыли,
Все разложили.
— Что еще забыли?
— Иголки где? —
Иголок не нашли.
Но у Петра без шляпок гвозди были.
На валуне, торчавшем из земли,
Укоротив их, тут же наточили

И затаив дыханье стали ждать.
Мужчины сели, ребятишки встали.
— Не заиграет! — бабы завздыхали.
Петр осердился:
— Должен заиграть!
Я столько бился — и свое не взять?
Давайте подбирайтесь, да — плясать,
Которые ни разу не плясали.

Пружина заурчала, как могла,
На скрип несмазанных колес похоже,

И вдруг труба
Гнусаво, ржаво, с дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых, с воём воззвала
К широкому пустому небу:
«Боже,
Царя храни!»

Сначала мужики
Опешили. Все показалось внове.
И бабы ждали песен не таких.
Насторожились, и взлетели брови,
Как будто, ожиданью вопреки,
Стал о народе граммофон злословить.

Тень старого державного орла
Над сбившейся толпою пролетела,
Она людей по-разному задела,
Но рана старая не зажила:
Толпа заволновалась, загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то, снял пластинку,
Понес ее к колодцу, на тропинку.
Ему кричат:
— На что она сдалась!
Отдай старухе, пусть закроет кринку! —
И вдруг вся площадь смехом залилась:
Валов на плоскую коровью грязь —
Край в край — с причетом возложил
пластинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками пустыми грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым:
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья, весь седой,
В муке, Василий вылез из подвала,
Прищурился — задорный, молодой, —
Присел. Пружина снова застучала.
И вот пошла
«...девица за водой,
За холодной ключевой. . .»
Да так, что вся деревня заплясала.

И лишь Огрена в доме, к вековой
Печи припав, той песне подвывала.

Устала. . . Окаянная судьба!
Глаза слезой-туманом застилает.
Добро в трубу летит,
Всему труба!
Не бог карает: бог, он правду знает.
За все простила бы Огрена баб,
Петра простить не может.
Не желает.

Болтун как есть, из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по миру ходили,
Батрачили, где приведется жили,
Где бог велит,
Своей земли, избы
Иметь не чаяли. . .
И все забыл!
Вошел в права, продрал глаза бобыльи.

Мир отвернулся от нее: одна,
Без сына — мать,
Хозяйка — без коровы,
Без власти под своим родимым кровом. . .
Но с нею муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижней валуна,
Согнувшись, за столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками.
Огрена утром не нашла часов,
Ножей с серебряными черенками...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
«Все будет нашим... в яме...»

«Теперь вся сила, вся надежда в нем,
С ним — бог, он богом в большаки посажен,
Моя душа — он, и семья, и дом.
Все будет так, как он решит и скажет.
Уйти захочет — стало быть, уйдем,
А смерть застанет — заодно умрем:
Могилу выроем и рядом ляжем.

Жить заодно и гибнуть заодно.
Ни я его, ни он меня не бросит...»

Дымят, шумят, смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной.
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Катался бы от злобы по земле,
И пусть песок набьется в рот и в уши,
Но только б смеха бедноты не слушать
И радости не видеть на селе.
Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят окурки. Он огня не тушит.

Не верится еще, что вот конец
Пришел всему —
Такое ль проносило!...
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайлы душу зазнобило:

Из стойла выведенный жеребец
Плясал в оправе пряжек и кодец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал, сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прыдал и глазами рыскал.
Казалось, не сдержи Михайло стон,
Скажись хозяин —
И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло сжался, губы закусил,
Но стон сдержал и голоса не подал,
Лишь ласково Огрене забасил:
— Огренушка! Твой сын, твоя порода...
В тебе вся сила.
Рёдная, спаси!
Проси прощенья, милости проси...
Да не у этих — всех,
Не у народа, —

К нему пойдя,
К ногам его пади.
Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Где у тебя, мол, совесть-то, у сына?
Не разоряй, мол, Вася, пощади!
Ты вырос на моей, скажи, груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чтут партийцы матерей?
Али, скажи, не я тебя рожала?
Пойди, графинюшка моя, скорей...

Огрена, словно от удара, сжалась,
Взяла платок — рука ее дрожала —
И вышла в сени, не закрыв дверей.

В ограде сын и трое понятых
В телегу упряжь разную сносили,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты.
У граммофона — смех до хрипоты,
А здесь, в ограде, даже не шутили.

Огрена сына позвала за двор.
Он не готов был для такой беседы
И, раз один взглянув на мать в упор,
Потупился:
— Что? Отойти за двор?
На разговор?
Не нужен разговор!.. —
Тогда в сторонку отошли соседи.

И сразу стало слышно, как жует
Овца в хлеву, как друг у друга перья
Рвут петухи...
Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет,
Надеялся: она вдруг все поймет,
Махнет рукой на все
И хлопнет дверью.

И, не решаясь поглядеть опять
В глаза ее (как все теперь далеко!),
Он отвернулся, чтоб слезу сдержать:
Вдруг стало жалко и себя и мать.
Но ничего ей, видно, не понять! —
Сын ощутил, как с нею одинок он.

И все ж навек родная дорогá!
На плечи б кинуться,
Услышать: «Милый!»
Василий брови сдвинул через силу.
Легко ли видеть в матери врага!..

Огрена грохнулась к его ногам
Врастяжку, как на свежую могилу.

Сын, отступив, позвал Петра, а сам
Скорее — к людям, ко всему людскому.
Петр сел с Огреной рядом на солому.
— Запуталась ты! Шла бы снова к нам.
Чего тебе, — сказал он, — в этом доме? —
Огрена грязь растерла по щекам.
— Завидуешь, что не твои хоромы?

Чужой те двор покоя не дает?
Глаза вам выело чужое счастье?
Набросились, обрадовались власти! . .
— За счастье-то и поднялся народ.
Мы и тебе хотим, Огрена, счастья.

Но тут на двор окно раскрылось настежь —
Огрена заспешила:
Муж зовет!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У тальянки звонки планки,
Колокольчики — лишь тронь!
До полночи на гулянке
Заливается гармонь.

При погоде, непогоде
По отаве, по траве
За селом девчата ходят
С гармонистом во главе.

«Раньше были мы в неволе,
А теперь на волюшке,
Любо, девочки, работать
На колхозном полюшке».

«Мыловар переродился,
Запросился в наш колхоз.
Он на нищенке женился:
Притворился кровосос!»

«Я иду, а трактор пашет,
Тракторист мне кепкой машет.
Я сказала: «Не маши,
Аккуратнее паши!»

«Я так топну!
И вот так топну!
Кулакам не будет ходу —
Все равно лопнут!»

Просыпаются леса,
Голубеют небеса,
Петухи хозяйек будят —
Не стихают голоса.

Аграфене за ночь эту
Очи выела роса.

* * *

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел и опустело стойло,
А с ними вымер, опустел весь свет.
Огрена утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому сготовить пойло?

Кому с утра напарить, наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
Кого по теплой шее потрепать?
Кого приветить?
На кого прикрикнуть?

К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертво.
Труха, да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
А с нею что? Не волк ли искусал? —
Кровавая на ребрах полоса...
Огрена молча обласкала пса
И в хлев впустила:
Все-таки скотина!

В ту ночь, забрав котомку и топор
И все, что зарывалось у забора,
Кой-что заранее спровадив в город,
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор;
Тьма поневоле укрывала вора.

Один ушел.
Теперь не до жены,
На что еще могла она сгодиться?
К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той, так с этой стороны,
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны, —
Куда же с ней? Жена не рукавица.

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрена утром взывала, закричала:
— Ограбили! Спасите, мужики! —
Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла: «Ушел» —
И замолчала.

«Ушел! Куда? — ни слова не сказал. —
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою христову половину?
Ушел и ничего не наказал.
Где были раньше у меня глаза?
Одна теперь, как сноп в пустом овине,

Как голый камень в поле у межи,
Как веник, выброшенный на дорогу.
Не занесешь теперь к соседям ногу.
Податься ли к сыновнему порогу
Иль снова мерзнуть под окном чужим,
В чужих чуланах спать?

А надо жить,
Доплакивать, домаливаться богу...»

И Аграфена стала собирать
Всё, что осталось:
Самовар с поллицы,
Горшки с шестка, тарелки, коробки
С тряпьем, с железками,
И под кровать
Все забивала — может, пригодится.

Приволокла из погреба конец
Половика, в подполье побывала,
Обшарила все уголки подвала —
Нашла топор да ржавый бубенец;
Все разложила,
Все пересчитала,
Уселась на кровать и под конец
Заплакала:
Насобирала мало!

Два дня, две ночи бесновался пес:
На стену прыгал, аж стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала,
Баб у колодца пробирал до слез —
Огрена ничего не замечала.

Разлегшись под вечер во всю длину
И глядя на навозную лепешку,
Он взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слюну,
Затих, лежал, не подходил к окошку.

Не видела Огрена ничего.
Но вновь пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили, —
Как найти его? —
И снова к сердцу привалился камень,
Огрена подняла истошный вой,

Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели? —
И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок. —
Умру! Уйдите! Мало вам еще?
Все подчистую взяли, все поели!

Ей показалось, что у всех в глазах
Недоброе к ней что-то затаилось,
Она еще отчаянней забилась:
Впервые ощутив пред ними страх,
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

«Валов все тут же...
Вишь, глаза горят.
Во двор пошел зачем-то... ходит, шарит...
Он первый стал хозяйничать в амбаре:
Нет своего — в чужом порыться рад...»
Огрена к сыну обратила взгляд:
— Васютенька! Куда теперь мне, старой?

Одна ведь я...
Ты грудь мою сосал...
Оставь для матери хоть сруб да крышу.
Зачем Валов опять в ограду вышел,
Чего он ищет?

Вдруг рычанье пса
Из хлева донеслось, и голоса,
Визг с улицы и хохот ребятишек.

Огрена бросилась к окну, назад
Отпрянула,
Увидела Валова —
Он в хлев заглядывал —

И, не сказав ни слова,
Метнулась из избы на голоса.
Василий не успел поднять глаза,
Мать выпустила бешеного пса,
Растравленного, на Петра Валова.

— Усь, — закричала, — усь! Души! Вот! Вот!
Чтоб домом нашим злыдню подавиться! —
Собака зарычала, как волчица,
Рванулась из распахнутых ворот,
Но не к Петру,
А врезалась в народ
И начала кружить, оскалив рот,
Кусать ребятам ноги, руки, лица.

Василий выскочил из дома:
— Бей! —
Кол на бегу рванул из палисада. —
Петр, за берданкой!
Запереть ограды! . .

Собака, взвизгнув, от избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрена у себя,
В своих владениях распоряжалась:
Закрыла хлев, на лестницу вбежала
И, увидав испуганных ребят,
Набросилась на них, шипя, хрипя,
Кого к стене, кого к крыльцу прижала,

Кого хлестнула палкой по спине.
— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!
Щенки! —
Всех выбросила из сеней,
Ломая ногти, влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

Собаку задержали за селом.
На тракторе бригада пар пахала;
Собака, морду опустив, бежала,
След заметая черным помелом,
Через загоны к лесу, напролом,
Но, ткнувшись в трактор, очумело встала,
И тракторист ее пришиб колом.

Василий с шомполкой наперевес
Спешил, когда его остановили:
— Василий Николаич, мы убили! —
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так, словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причеты.
Но он не сразу догадался — что там.
А там к колодцу бабы собрались,
Кляли все скопом, поносили жизнь,
С Огреной старые сводили счета.

Одна кричала:
— Бабы, надо к ней
Самим идти, детишки-то ведь наши!
Гоните стерву из деревни взашей! —
Петр пошутить хотел:
— Шумней, шумней!
Погромче, бабоньки, не слышно мне. —
И вдруг всерьез:
— Учителю видней —
Огрена все-таки ему мамаша...

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отрывая ноги.
Душила пыль, песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит,

Постоит немного
И снова ступит, снова трудный шаг,
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:
«Надо в город написать.
Смолчать нельзя, хоть, верно, маму
вышлют...»

С колодца долетают голоса
И рев, но чудится — ее он слышит:
«Взгляни, родимый мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу...»

А ребятишки плачут. И опять
Решенье трудное сгибает спину:
«Придется, видно, мать арестовать,
Взять самому...»
Но снова стонет мать:
«Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Не вместе ль милостыню собирать
Ходили мы? Ты хочешь жизнь отнять!
Где совесть, Вася, у тебя, у сына?!»

К колодцу, не заговорив ни с кем,
Пробился торопливо он — к народу.
Там Петр Валов ведерком черпал воду:
У девочки по розовой щеке
И по искусанной до локотка руке
Стекала кровь и капала в колоду.

Василий сразу будто выше стал,
Уверенней в себе и даже строже.
Усталости как не было,
Но все же
Еще он дрожь под сердцем ощущал.
Он думал:
«Пес, который искусал
Детей, и вправду бешеный, быть может?»

Нас не осилив, наших матерей
Враги изводят.
Но не сладить с нами!»

И он распорядился, чтоб скорей
Везли ребят в больницу. У дверей
Ружье поставил.

Ровными шагами
Михайловой оградой зашагал.
За ним Валов с соседями — гурьбою.
Изба им показалась нежилою,
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрены не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор... Огрены след пропал.
На сеновал вошли — и сеновал
Дохнул на них могильной тишиною.

«Ужель ушла?»
Василий по скобе
Влез на чердак, ногой тряпье откинул,
Вгляделся в сумрак и... оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной к родному сыну.

* * *

В избе под тяжестью десятков ног
Слегка постанывали половицы.
Огрону положили под божницу.
Никто над прахом свечи не зажег,
И сухи были и суровы лица.

На лавках, на полу, по всем углам
Валялись тряпки, битые стаканы,

Тарелки, полушалки, сарафаны. . .
Кому теперь он нужен, этот хлам?
Беречь, раскладывать по коробам
Никто обнов Огрениных не станет.

Василий к матери щекой припал.
Что скажет он?
Глаза его горели.
Так постояв, он перешел к постели,
Сел, сгорбившись, вздохнул
И снова встал. . .
Все на него на одного смотрели.

Василий, потеряв ладонью лоб,
Спросил, стправлены ли в город дети,
И, наказав, чтоб сколотили гроб,
Пошел на улицу,
На свежий ветер.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.
Петр злился:
— Доски не Огрону ждали! —
И так рубил, вздымаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали. —
Отбилась баба от людей. С тоски
И жизнь не в жизнь. . .
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть схороним по-людски.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты навсегда любима. Отзовись,
Поедем к нам, в далекое Блудно́во
Иль в Каргополь, где начинали жизнь.
Теперь повсюду что ни день — обнова.

Бывало посмотреть велосипед
На звук рожка сбегалось полселенья.
Ошупав все до винтика, мой дед
Руками разводил от удивленья.

Опять подростков, ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний к нам придет успех:
В селе давно велосипед не чудо.

И патефон не чудо, ни бог весть. . .
Иголки, правда, есть еще не всюду,
Хоть гвозди ставь,
Но патефоны есть!
Амбары новы, хлеб в сусеках есть.
А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне лето, благодать,
Уже свиваться начала капуста...
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена, ячменя пожать,
Чтоб в поясице чувствовалась усталъ.

Шесть месяцев там крутятся снега,
Два — грязь стоит, к соседу нет прохода,
Перебираются по огородам.
Зато как оживает вся тайга,
Светлеют дни, медоточат луга,
Земля свежее в середине года.

Охота дома побывать опять,
Хорошие доходят в письмах вести.
Но без тебя я стал бы тосковать.
Поедем вместе!
Будем снова вместе!

Блудново—Москва
1937—1938

В РОДНОМ
КОЛХОЗЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В чем причина — кто поймет.
Только знали все в бригаде:
Со снохой Макар не ладит
И уже не первый год.

Много фактов под рукой.
Вспоминается такой.

Как-то в поле близ дороги
Отдохнуть Макар прилег.
Ныла грудь, ломило ноги,
А до дома путь далек.

Проступали в небе звезды.
И, как звезды, далеки
Над селением колхозным
Зажигались огоньки.

Вдруг прошли со льном машины,
И с одной
На край тропы
Вдруг
Без видимой причины
Падать начали снопы.

Что ж особого случилось?
Подберут — хватает рук.
Но из жита появилась
Женка чья-то —
Тоже вдруг.

Собрала ленок,
Веревкой
Затянула, подняла.
И не крякнула плутовка.
До чего, должно, смела!

Разглядел Макар трехтонку,
Женку тоже опознал,
Но смолчал,
Лишь бороденку,
Ухмыляясь, пожевал.

«Заодно, видать, с шофером. . .
Что творят! — вздохнул с тоской. —
Век живешь — не знаешь вора:
Вон теперь он стал какой!»

Вспомнил — дома стынет ужин,
Встал и двинулся домой.
Нашумишь —
Себе же хуже,
Только брань да непокой.

Дома все же не сдержался.
Рассказал кой-что снохе.
Говорил и сам смеялся,
Будто речь — о чепухе.

А сноха не так решила,
Наставленью не вняла.
Промолчала б — любо-мило,
Нет, взвилась,

Пошли дела:
Всю деревню всполошила
И Макара в грех ввела. . .

А еще такое было:
За рекой на новине
Как-то ржи три стога сгнило, —
В ливень склали на стерне.

Руку сунешь в стог, к стожару —
Обжигает, как в печи.
Бригадир сказал Макару:
— Ты не видел, ты молчи!

Разнесется — дале-боле —
Всей артели быть в беде,
Потому, что это поле
Не записано нигде.

Что ж Макар?
Макар — могила.
Дескать, все не без греха.
Но сноха в набат забила,
Подвела опять сноха.

Мол, не два, не три загона
Утаили от закона! —
Не унять ее никак.
Дошумелась:
Из района
Налетел уполминзаг.

Дело приняло суровый,
Нехороший оборот.
И Макар, конечно, снова
Все снохе поставил в счет.

— Ты чего кричишь на людях? —
Говорил он ей. — Молчи!

Быть всему без нас, как будет. . . —

А она:

— И ты кричи!

Молодица-деловица,
Хаять попусту не след,
Все в руках ее спорится,
Но когда начнет браниться —
От орлицы спасу нет.

Муж погиб под Сталинградом,
И старик считал, что жить
Ей, вдове, потише надо,
Зря соседям не дерзить,

Не за все зараз хвататься,
Не спешить везде соваться —
Велики ль ее права?!
Но не так жила вдова.

Неуемной, неразумной
Всюду — дело,
Всюду — спрос.
Уж такой характер шумный —
Забивает весь колхоз,

Словно он — ее владенье
И она ствет несет
За любое упущенье;
Недогляд какой — правленью
Прямо спуску не дает.

То, вишь, ясли не по праву:
Дескать, не на высоте.
А они зачем ей, право,
Без детей-то, ясли те?

То с бригадой не поладит, —
Слова против не скажи, —

Нормы ей низки в бригаде...
И Макар всегда в накладе:
За сноху ответ держи.

Про нехватки, непорядки
Уж Макару ли не знать:
Не для всех дороги гладки,
Не везде живут в достатке...
Но сноха при чем опять?

Пусть начальники глядят,
Чтобы шли дела на лад.

Всюду лезет,
Всех тревожит,
Хоть бы в партии была.
Говорит:
— Мы больше можем.
С нас ответ — за все дела.

Если надо — будь двужильным,
А сражайся, не мирись.
— Ой, гляди, за непосильный
Труд взялась!
— И ты берись!

Наступай, коли заело,
Пусть душа за все болит,
До Москвы дойди, а сделай,
А добейся! — говорит.

Обижало особливо,
Кроме прочего всего,
Что молодка нерадива
К пользе дома своего.

А сегодня старика,
Как мальчишку, отчитала,

До того настырна стала,
Голосиста да бойка.

Да, он в изгороди лаз
Видел. . .
Да. . . и не исправил:
Не подумал о потраве,
Был к тому же поздний час;

Не гадал, что вдруг в сузем
Выйдут две колхозных телки
И что съесть их могут волки.
Только разве грех на нем?

Ведь чинил в полях плетни
По бригадной разнарядке
Не Макар.
За непорядки
Не его, других вини.

У снохи один резон:
Тянет свекра на правленье ---
Мол, повинен в преступленье
Перед всем колхозом он.

Вспоминает заодно
И про лен,
И про зерно,
Ставит сразу все на вид,
Пережитками корит.

Для того ль, седой, бывалый,
Дожил он до склона лет,
Чтобы баба побивала
Весь его авторитет?

Верно, общая дорога
У него с людьми,

Но все ж
Ты моей души не трогай,
«Пережитков» не тревожь.

Чуть получше, чуть похуже —
На поверку все одно.
Знать, такой порядок нужен:
Двери есть — не лезь в окно.

Тут сноха при всех сказала
И обидела до слез:
— Я б таких не допускала
К коммунизму на сто верст.

Не колхозник ты, а частник,
Честь тебе не дорога... —
Ох, молодка, понапрасну
Оскорбила старика!

И Макар от той обиды
Света белого не взвидел,
Кулаками застучал:
Дескать, будь ты все неладно,
Ничего, мол, мне не надо —
И давай рубить сплеча,
Тоже, верно, сгоряча:

Я свое на свете прожил,
Остается — помирать,
Мне, мол, нечего терять,
Без колхоза жили тоже...
Пусть теперь кто помоложе
Нам свою покажет статъ!

— В общем, нечего терять! —
Повторил,
И, как бывало,
Самому неловко стало:
Как такое мог сказать?!

Сжался даже, как от боли.
Да и верно — колет бок.
Не собравшись выйти в поле,
Стал устраивать домок.

Взял топор,
Плетень подпер,
Обошел кругом весь двор,
На участке повозился,
Сам все думал, все дивился.
Как сказать такое мог.
Всухомятку съел пирог
И на печку спать залег.

Тут Макару сон приснился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Будто смеркается,
День кончается.
С выгонов дальних
Скот возвращается.
Пыль стоит, как над током полова.
Каждая корова
С досельных пор
Знает свой двор,
Свой
Обжитой
Соломенный кров.
Гомон на улице,
Лай,
Мычание...
Встречают сельчане
Своих коров.

Все гуще сумерки.
А за волоком —
По прямой шесть верст —
Волостной погост,
И без умолку
Бьет колокол
То и знай:
«Дай! Дай! Дай! Дай!»

Ждет Макар свою корову,
И женке-Насте не терпится, ждет.
Будто бы снова
Настя здорова,
Снова живет.
А время идет!
Вдалеке, за лесом сосновым,
Медленно
Медный колокол бьет.

Все тревожней,
Все безнадежней
Звон и крики
Над лесом, над пожней.

— Кем-то изгородь в поле обрушена!
Скот разбредся по тайге, за Мокрушами.
Не отыскиали многих телят...
Кто виноват?
Макар виноват!

В избу Макар вбегает — не входит,
Хочет зажечь электрический свет —
Нет выключателя.
Здесь был вроде?..
Даже проводки в простенке нет!

Глянул в окно —
И в селе темно,
Будто оно
На озерное дно
В омут нечистый погружено.

Тьма наступает со всех сторон
Вязкая, словно тина.
«Что за причина?
Снится мне, что ли?» — думает он.
А у стола светец и лучина —
Тоже
Как сон.

Спичкой лучину с трудом зажег:
Дело-то давнее, — позабылось.
Медленно силу набрал огонек,
С треском лучинушка задымилась.

Стало еще тоскливей в избе.
Где-то собака завывала глухо.
Макару не по себе:
«Что с кормилицей?
Что с пеструхой?»

— Настенька, нет ли беды какой?
Звери ведь рядышком, за рекой.
Скот разбрелся из-за недогляда.
Сбегать бы надо! . .

2

За деревней бор кондовый,
Даже в полдень чуть светло.
Здесь медведю взять корову
Ничего не стоило.

Пастушок на елку влез
И дудел, дудел, дудел.
Отзывался только лес,
А медведь
Сопел да ел,
Задира на вой рожка
Морду в брызгах молока.

Вся деревня поднялась.
Вот уже Макар бежит
Через кочки,
Через грязь.
Говорят мальчишке:
— Слазь! —
Тот закрыл глаза — дудит!

Не упал бы парень сдуру.
Или к дереву прирос? . .

В дом Макар коровью шкуру
На своем хребте унес.

8

Полночь. Макару сдавило грудь.
Слушает визг и хохот совиный,
Скоро спалит вязанку лучины,
Чтоб перемучиться как-нибудь.

Взглянет на полку — пустой подойник. . .
Взглянет —
А кринки без молока. . .
Да и Настасью согнула тоска,
Словно в избе — покойник.

Начал Макар утешать жену:
— Ладно уж, будет реветь, Настасья!
Только б меж нами любовь да согласие —
Выдюжим,
Спину я не согну,
Да не оставят в беде и власти.

Нынче в колхозе молодняка
Много,
Схожу поутру в правленье,
Чтобы постарше дали телка:
За упущенье простят старика,
Люди свои — войдут в положенье.

Сбегаю мигом в рощу к плетню
И без наряда плетень починю.

Спи, знай! . . —
А Настя во все глаза,
Как на безумного, смотрит на мужа.

— Господи, что ты такое сказал?
Уж не рехнулся б,
Не было б хуже.

Что за колхоз?
Какое правленье? . .
Не перенес,
Должно, потрясенья.

Где ты такие власти видал,
Чтоб помогли в нужде хлебобобу?
Если, грехом, случится беда —
Рвут по частям:
Поднимись, попробуй!

Будто его утешает она:
— Ты бы, Макарушка, не убивался.
Я это... Настя...
Твоя жена...
Уж и корова не так нужна!
Лучше прилег бы ты,
Отоспался.

Ведь без коровы не мы одни.
Только от хвори себя сохрани.

4

С крыш на ходу солому хватая,
Тихо на выгон плетется скот.
Из перелеска заря молодая
Полям к реке умыться идет.

С веток напившись росы студеной,
Птицы пробуют голоса.
Все — и покосы, и бор зеленый —
Преобразилось за полчаса.

Вышел Макар из избы чуть свет.
Ноженьки сами знают дорогу.
«Экое дело, коровы нет!
Пойду в правление,
Пойду в Совет —
Везде помогут!

Сын у меня — гвардеец солдат,
Погиб героем за Сталинград.
Сам я тоже чего-то стою,
Да и сноха вон глядит в Герои».

Глянул на улицу из-за угла
И не узнал своего села.
Сердце испуганно вдруг забилося:
Что-то случилось, переменилось.

Нету чего-то... Столбов? Проводов?
Да неужели у всех лучина?
Здесь МТС была —
Нет следов,
Садик целы,
Но без плодов —
Только черемуха да калина.

Много, свыкшись, не замечал,
А вот исчезло — сразу заметил:
Здесь была школа,
Теперь — увал...
Словно фашист в селе побывал.
Что ж это делается на свете?!

Сдвинулось все на десятки лет.
Душно Макару.
«Да сплю я, что ли?
Будто колхоза в деревне нет.
Радио — в избах,
Комбайна — в поле».

Встретил соседа: едет пахать.
С чем он таким, ни на что не похожим?
Еле узнал:
— Да это ж соха!
Сам раньше с этакой лез из кожи.

И Макар от удивленья
О своей беде забыл:
«Что за светопреставленье?
Где соху он раздобыл?

Впрямь — соха, ни дать ни взять! . . .»
И Макар — хохотать.

— Ты куда, сосед, с сохой,
Не в музей ли сдать решил?
Ишь, догадливый какой,
Столько лет ее хранил!
Жалко, я не поберег,
Подработать тоже мог.

Заберут с моим почтеньем,
За ценой не постоят.
Для учебных заведений
Суший клад
Твой экспонат.

А свезти ее в столицу,
Там совсем с ума сойдут,
Расхвалить
Да порядиться —
«Москвича» взамен дадут!

Отвечать сосед не стал,
Вдруг чего-то испугался.
Бросил клячу, побежал.
Старый лапоть развязался,
Он споткнулся,
Упал.

А Макар:

— Ой, артист!
Даже лапти нашлись,
Чтоб на пару с сохой.
Ха-ха-ха!
Хо-хо-хо!

Досмеялся до того,
Что стоять не может.

Поглядел, а у него
На ногах,
У самого,
Лапти
Тоже.

И уже он сам в беде —
За сохой на борозде.

5

По камням стучит сошник,
Ломота в костях оратая.
От сохи Макар отвык —
Как скрипит она, проклятая!

А полосынька узка,
Словно тонкая, истлевшая
Гробовая,
Почерневшая,
Полусгнившая доска.

Над межой кричат грачи,
Видно, дождь хлестнуть готовится
Сердце пахаря стучит —
Вот не сдюжит, остановится.

«Неужели, неужель
Страны все еще встречаются,

Где вот так же
На меже
В одиночку люди маются?!»

От межи Макар отвык,
Просмотрел,
И вот нечаянно
Прихватил его сошник
Полосы чужой закраину.

Оглянуться не успел,
Налетел сосед с булыжником.
— Это мой, — кричит, — надел!
Расквитаюсь с шаромыжником!

Хохотать куда горазд,
Над лаптями потешаешься,
А с законом не считаешься, —
Заводи обратно пласт!

Как в старинку, подрались.
Нет, не горд Макар победою.
Еле шепчет:
— Вот так жизнь!
Сыт по горло жизнью этою!

Вдруг исчезло все вокруг,
Он один, как неприкаянный.
Поле,
Речка,
Топкий луг...
Кулики кричат отчаянно...

Да с лугоста медный звон,
Да под ветром ель качается.
Жизнь как будто обрывается...

И ворочается он,
Бьется...
Но не просыпается.

Лен не убран,
 Не вспахан пар.
 Занемог от горя Макар.

Не спешат к мужику врачи,
 Не везут на рентген-лучи,
 Не дает никто назначенья
 В Крым, в Ливадию, на лечение.

Не хранят здоровье его.
 Он жене твердит:
 — Ничего! . . —
 Расправляет костлявые плечи.
 Мол, правление для него
 Подберет работу полегче.

— Все равно трудодни пойдут:
 Сторожить буду хлебные склады
 Иль горох на корню —
 Все труд!
 А на стан полевой пошлют —
 Буду щи варить для бригады. . .

Только нет, не идет подмога
 Ни от общества,
 Ни от бога.

Он и телку
 Не раздобыл,
 Лишь без толку
 Обутки бил.

Появились в длинных рубахах
 То ли нищие, то ли монахи —
 Стали Настю они учить,
 Как от хвори мужа лечить.

Истопили жарко печь,
На каленый под
Тесину
Положили, чтобы спину
И бока ему не сжечь,

Чтобы, словно на лопату,
Лег на ту тесину он,
Чтобы жар его охватывал
Со всех сторон.

Он от всех болезней — жар.
— Ну, теперь залазь, Макар!

А Макар не хочет лезть,
Он дрожит от злости весь.
Вспомнил: пользовали так же
Сколько раз его — не счесть!

Говорит:
— Давай в больницу,
К настоящему врачу,
По-старинному лечиться,
Хоть убейте, не хочу,

Гибнуть время не пришло! —
Упирается в чело,
Вышибает кирпичи. —
Разведусь! —
Жене кричит.

Слышит:
— Надо подналечь! —
С божьей помощью скрутили,
Вчетвером забили в печь
И заслонкою прикрыли.

А Настасья, взяв ведро,
Зачала скороговоркой:

-- На огне горят каменья,
На огне горят именья,
От огня и сталь бела,
Мягок, гибок прут железный.
Пусть Макаровы болезни
На огне сгорят дотла.
По ночам у самой бани
Недобро кричит сова.
В чистом поле на росстани
Выросла бурьян-трава.
Трава повянет,
Сова подохнет,
А Макар встанет,
Не охнет.
Уйди, хворь-хвороба,
Из костей хлебороба,
Из суставов,
Из жил,
Чтоб не ныла утроба,
Не старел бы до гроба,
Не хирел,
Не тужил.
Руки, ноги покинь,
Не держись цепко. . .
Слово мое крепко.
Аминь!

А Макару дыху нет,
И не крикнешь — горло сжало,
Про себя лишь
на чем свет
Проклинает коновалов.

Избача притом клянет:
«Парню только б хоровод,
А о деле нет заботы,
Просветительной работы
С женщинами не ведет».

Наконец берут заслонку,
И болящий услышал:
— Красен?
— Красен. Даже ал!
— Дышит?
— Дышит. Бороденку
До кореньев изжевал.

— Ну, тяните, уж пора!.. —
Настя лекарям покорна.
Вытянули, как из горна,
И водою заговорной
Окатали из ведра.

А потом, чтоб задубел,
Стали сечь его крапивой...

Самому Макару в диво,
Как еще остался цел.

«Чем не ад — вода, горнило...
А ведь все когда-то было».

7

Вдруг он слышит стон,
Аж земля дрожит.
Со всех сторон
Народ бежит.

Все страшней, звончей,
Все надсадней крик:
— Чей ребенок, чей?
Кого гром настиг?

Старовер седой
Бородой трясет:

— Беда за бедой,
Как по нитке, идет.

Опять на Настю
Все грозы-напасти,
Все шишки на Макара.
За что божья кара?

Зачем поп Макару
Такое имя дал?
Ребенок у Макара
В колодец упал.

В прятки девчонки
Играли в сторонке,
Оставив ребенка
На одежонке...

Толпа у ворот —
Все бежит народ.
Настасья ревет,
Свои косы рвет.

Только Макар
Ничего не разберет.

Это же было,
Да только — минуло,
И боль остыла,
И с сердца схлынуло...

Куда податься,
К чему приткнуться?
Никак не может
Макар проснуться.

Говорит Настасье:
— Эх, женка, женка,
Надо бы в ясли
Отдать ребенка!

Надо было...
Тьфу ты!
Это же сон...

И снова он
Все перепутал.

8

«Внимание! Внимание!
Передаем объявление:
В контору на совещание
Созывается правление...»

Макар слышит:
«...Объявляется снова,
Если кто встретит
Макара Попова,
Скажите — его председатель ищет!...»

Слышит Макар:
Собрание будет.
Слышит:
Его репродуктор будит.

Пусть обсудят,
Пусть осудят,
Пусть накажут —
Хуже не будет!

Встать и бежать, как из тьмы на свет,
Пока еще жив,
К своим на совет,
Пока не свалило горе.
Как это так — правления нет?
Вон где оно —
На угоре.

Вот оно — видно издалека,
Каменный
Бывший дом кулака.
Ветер в саду бушует...

Ах, до чего ж ты, горка, легка!
Летом летит в контору Макар,
Ног под собой не чувствует.

Только б скорей!
И, как на духу,
Выложить сразу, что наболело —
И про корову, и про соху,
И что недужится, — ослабел он:
Вот, мол, смотрите,
Спросите сноху!..
А та поддержит правое дело.

Встанет горой за него народ.
А он...
Да что тут... да неужели...
Да разве он теперь не поймет?
Спросите сноху, что не подведет,
Душой начнет болеть об артели.

Мостик...
Проулок...
Березка в конце...
Эта ли тропка ему не знакома!
Вот и ограда...
Но на крыльце
Встретил Макара хозяин дома.

— Здравствуй!
Господь наказал никак? —
И сразу Макару холодно стало. —
Ну что же, входи, сосед, коли так!.. —
Вошли.

Макар оперся на косяк,
Изба показалась ему подвалом.

В углу золоченый иконостас:
Никола,
Илья,
Чудотворный спас...
Но только от спаса не жди подмоги,
Не богу — хозяину бухайся в ноги.

Макар все же молвил:
— Позволь, спрошу —
Тебя ж раскулачили:
Что за случай,
Что ты от кары ушел неминучей? —
Кулак ему тихо:
— Да вот дышу,
Гнезжусь, где удастся.
Мой дух живучий!

И ты, — говорит, — зазря не дури,
Души не тревожь по всякому делу:
Корысть от колхозной жизни бери,
Но кашу в своем чугунке вари —
Своя рубашка ближе к телу.

Пускай все идет своим чередом,
Достатка не будет — не надрывайся,
Во всем на начальников полагайся:
Колхоз лишь для них — и тепло и дом.

Добро, что меня не забыл, пришел.
Как раньше тебе, помогу с охотой:
И телку дам,
И что там еще...
А ты, как раньше, мне отработай.

Макар рассмеялся.
— На кулака?

Работать?
Мне?
За посул телка?

Да как же так!
Нет, ты погоди!
Иль за себя постоять не сумею —
Опять запряжешь? . .
А что впереди?
Вернется помещик, того гляди,
А там и царя посадят на шею.

И буду смиренней день ото дня.
Сноха тоже сникнет. . .
Не жизнь — мученье.
Да за кого ж ты принял меня?!

Макар потерял терпенье.

9

А тут еще дочь бежит от хозяина,
Вздрагивают плечи.
— Тятенька, он наказал меня,
Бил весь вечер.

И хозяйка лупоглазая
Пинала меня, колотила.
— Может быть, ты напроказила?
— Я чашку разбила.

Только ведь я нечаянно,
Я не лезла к буфету.
Ой, беда теперь от хозяина,
Сживет со свету!

Села к столу — маленькая,
Голову склонила. . .
— Мамонька!

Мамёнька!
Зачем ты меня родила?

И Макар потерял терпение.
— Да что же это такое?
Что за проклятое наважденис!
Где я?
Что я?

Иль не в своей стране-отчизне я,
Порядков не знаю,
Или не видел лучшей жизни я,
Что все принимаю?

Нет, я не с чужого берега,
Верю в свою державу.
У нас кулаку не Америка,
Найду управу!

Найду! — отрубил Макар с возмущением.—
Сила у нас — в народе! .. —
И чувствует:
Стало светлей в душе его,
Болезнь из него уходит.

— В своем дому, а словно не дома, —
На что же это похоже?
Дойду до райкома!
Как нет райкома?
Этого быть не может!

Дойду до Москвы, до самой столицы:
Смотрите, мол, что творится!
Примите о нашей жизни решение,
Исправьте, мол, положенье!

Не успокоюсь, не устранюсь,
За всех постою,
Своего добыюсь! ..

В глазах у Макара — небо ясное,
И так случилось,
Что сразу все на земле прекрасное
Ему открылось.

Как будто он в утро вешнее раннее
Двинулся в гору
И стали огромные расстояния
Доступны взору.

И канула в прошлое жизнь постылая.
Он девочке улыбнулся:
— Не плачь, ненагляда,
Не бойся, милая! . .

И проснулся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

А сноха уже лютует,
За плечо его трясет.
«Спит, сопит напропалую,
Словно трубочку сосет!»

— Встал бы, дед!
— А спал я разве?
— Поднимись!
— Я поднялся.

В доме полдень — будто праздник,
Кубатура в солнце вся.

Встал Макар, глядит: молодка
Все такая ж;
Меж окон
Выключатель и проводка —
Неизменно все...
И он,

Затянувшись дымом сладко,
С упоеньем,
Слушать стал,
Как Америку к порядку
Репродуктор призывал.

Разговор сноха заводит:
— Спор о денежном доходе —
Сколь раздать по трудодням?
Созывает всех правленье:
На строительство вложение
Хорошо б удвоить нам.

Слова ждут от стариков.
У тебя-то взгляд каков?

И Макар с усмешкой ей:
— Что ж, коли для дела надо,
И удвоить можем вклады,
Оторвем от трудодней.
Вот мои какие взгляды!

Тут сноха опять о старом, —
Ох, и дошлая она! —
Мол, чего хитрить Макару,
Нерадив,
Корят недаром.
Злись не злись, а есть вина.

Все равно, мол, не отбиться,
За телят ответ держать.
А Макар не хочет злиться.
— Ладно, ладно, молодница, —
Шутит, — дай глаза продрать.

Разве я иду напротив?
Хоть и чином небольшой,
А когда затор в работе,
Сам болею всей душой.

— Ты болеешь?
— Я болею.
Знаю, что такое честь.
И прошу, оставь затеи
В душу мне без спросу лезть.

Сам, что надо, разумею:
У меня свои идеи
Понадежней бабьих есть.

«Ишь ты, как переменился! —
Удивляется она. —
Видно, добрый сон приснился,
Что смягчился старина».

А Макар? ..
Да что Макар!
Все как будто не проснется.
Вздумал ставить самовар,
За водой пошел к колодцу.

На село свое глядит,
Все казаться стало новым:
В переулке — сад фруктовый,
Провода —
В глазах рябит;
Клуб под крышею тесовой

Словно видит в первый раз.
А избенки постарели!
Много дыр еще в артели,
Много мусору у нас.
И, конечно, в каждом деле
Должен быть хозяйский глаз!

Вдруг, как будто напоказ,
Трактор — из-за поворота,
Тракторист не сбавил газ
И задел крылом ворота.

Он — к нему:
— Куда глядишь?
Ты за что казнишь машину?

Выгнул спину,
Рот разинул —
И забыл, на чем сидишь!

На столбе увидел свет.
— Это что за беспорядок!
Даже днем режима нет.
Разве так работать надо?

Лампы без толку горят,
А на юге люди наши
Этим светом землю пашут,
Очевидцы говорят.

Позабыв про самовар,
Сам не знает как,
Пригорком
Дальше двинулся Макар
На руке с пустым ведерком.

Ребятишки тут как тут:
— Заблудились, дядя, что ли?
Не колодец здесь, а пруд...
— Ну, а вы чего не в поле?
Вам — корзины да мешки,
Собирали б колоски!..

Повернуть назад пора,
И село уже кончалось,
Но до скотного двора
Метров с сотню оставалось...

У распахнутых ворот
Свищут в дудки пастушата.
МТФ домой идет:
Крупный скот —
В парадный вход,
В боковой — идут телята.

Ах, телята хороши!
И Макар добра-здоровья
Молодому поголовью
Пожелал от всей души.

Но с доярками скандал:
Снова фартуки не чисты,
Ходят, словно трактористы,
И Макар им жару дал:

— И подстилка не суха,
И подкорм — одна труха.
Двор у вас без освещенья.
Нет раденья,
Нет стремленья.
И куда глядит правленье?
Ох, права моя сноха!

Те ему:
— Не плох совет.
Освещенья, верно, нет,
Уличил, Макар, на факте...
Видно, перенял ты, дед,
От своей снохи характер.

— Ну, а сам-то нынче, дед,
Ты работал или нет?
— Спал, наверно?
— Спал не спал,
А сохой поля пахал...

— Бродит тут вокруг двора,
Вишь, дались ему коровы!..
— Не налить ли с полведра
Молочка ему парного?

— Может, дать для старичка
Сливов, а не молочка?

— Здесь указчиков, пожалуй,
Без тебя невпроворот! . .

И доярки в свой черед
Взяли деда в оборот,
Задали Макару жару.

Разбитной пошел народ!

2

Течет, журчит под кустиком
Прозрачная струя,
Звенит ручей —
Акустика
В лесу хорошая.

Как в родинках — вся в крапинках
Листва берез, осин.
Порою дождик капает,
И льет,
И моросит.

Уже грибы с брусникою
Корзинами несли.
Вот-вот и закурлыкают
Над полем журавли.

А поле,
Да река еще,
Как небо, широки.
Один несжатый краешек
Остался у реки.

Дожинка нынче поздняя.
К последнему овсу —
Толпой вся рать колхозная
Сошлась на пёлосу.

Все убрано машинами —
Нет слов, они в чести, —
Обычаи старинные
Все ж надо соблюсти.

Одетые с иголки,
Серпами стар и млад
Последние метелочки
Срезали нарасхват.

Кажи работу вострую,
Проворствуй у межи,
На общий пояс горсть свою
Со всеми положи.

И загадай желание,
Какое поважней. . .
Глубокое молчание
Среди жнецов и жней.

Кому о чем мечтается. . .
Замечено давно:
Все сбудется,
Все станется,
Что тут загадано.

Нам нет путей заказанных,
Задумаешь — возьмешь.
О суженых, о ряженных
Гадает молодежь.

Одни — о выдвижении
На курсы в область, в центр,
Другие — о снижении
Мануфактурных цен.

А кто в соревновании
Победу одержал,
Тот о геройском звании,
Об ордене мечтал.

И чтоб в столицу сызнава,
Лишь кончат обмолот,
Со всех концов их вызвали
На всесоюзный слет.

И для Макара выдался
Денек особый: он
Почти из силы выбился,
Чтоб только не привиделся
Еще раз страшный сон.

Дожали все, как следует,
И вот сошлась толпа
У «гостыи»¹ —
У последнего
Овсяного снопа.

Большой — в нем с сотню маленьких
Метельчатых горстей.
Его подняли на руки,
Как гостя из гостей,

И вдоль всего селения
Высоко от земли
В колхозное правление
С почетом понесли.

1948, 1954

---

¹ «Гостыя» — последний большой сноп, который торжественно приносят с поля в день дожинок и ставят в конторе правления колхоза.

АЛЕНА
ФОМИНА

Александру Фадееву

1

Только солнце — из-за леса,
Только месяц — за леса,
Только птиц на всю окрестность
Зазвенели голоса

Да легли на землю тени,
Испестрив ее наряд,
И комбайнер за деревней
Запустил свой агрегат.

Был он в брюках не по росту,
В гимнастерке с плеч чужих.
Глянешь издали — подросток,
Подойдешь поближе — просто
Девочка,
А не мужик.

Маню Лыкову народ
«Кадрой собственной» зовет:
На колхозные доходы
Обучали целый год.

От души, со всем раденьем
Свой комбайн она вела,

Но и круга не прошла,
Подъезжает предправленья:
Как, мол, тут идут дела?

Словно вихрь перед грозою
Закружил по полосе.
За Аленой Фоминою,
Замерев, следили все.

Осмотрев жнивье сурово,
Придралась к огрехам (власть!),
Над соломой, над половиной
Постояла, наклонясь.
Под комбайн залезла,
Снова
За солому принялась.

Обнаружила зерно
В колоске,
Да не одно.

Перерыла всю мякину
И сказала:
— Исправляй!
Выпрягай свою машину,
Есть потери —
Дело знай!

Для комбайнера бесчестье
Нареканья принимать.
— У машины все на месте,
Все дает, что может дать.

Край у неба даже есть,
Зря шуметь не дело здесь.
Если техники не знаешь,
Не резон на стенку лезть!

Но хозяйка рассердилась:
— У меня один резон:

Не исправишь — сделай милость,
Уходи с уборки вон!

И не спорь! Чего стоишь?
Дорожи порой страднóю. . . —
А известно, с Фоминою
Много не наговоришь.

Маня злилась и ворчала:
— Ладно, ладно. . . не учи! —
Но взяла свои ключи,
Проверять машину стала.

«Может, впрямь где гайки слабы. . .»
Только вслух одно твердит:
— Спасу людям нет, коль баба
В председателях стоит.

Час спустя она хвалилась:
Дескать, впрок пошел совет,
Ничего, что побранилась,
А с комбайном повозилась,
Стал ходить — отказу нет.

— То-то вот! — сказали ей. —
Никогда грубить не смей.
Молода, неугомонна,
В толк, как видно, не взяла,
Что тебя сама Алена
И на курсы-то свезла.

От комбайна Фомина
На участок со снопами
Перешла, где два звена
Убирали хлеб серпами.

— Как дела?
— На полный ход!
Жнем и вяжем без заминки.

Ничего, что по старинке,
Понимаем:
Хлеб не ждет!

На гумно прошла.
Снопы
На машинах подвозили,
Молотилку и цепи
До отказа загрузили.

День рабочий начался. . .

* * *

С первых дней войны Алена
Вожак —
Ни угомона
И ни сна,
В заботах вся.

Не хватало ни людей,
Ни машин, ни лошадей,
Не хватало сил,
А все ж
Что ни год — стеною рожь.

Что ни год — с полей колхоз
В город больше хлеба вез.

Но к концу идет война,
На Берлин ее дороги.
Со дня на день Фомина
Фронтной ждала подмоги.

Трудно женщинам одним,
И шутили не однажды —
День победы, мол, для каждой
Станет первым выходным.

Весточки от муженька
Заждалась — уж не убит ли? . .
Возвращаются пока
Лишь «по чистой» с поля битвы.

Яков Розанов пришел —
Не найдешь в труде прилежней,
Взялся с первых дней с душой,
Только — нету силы прежней.

На реке теперь живет,
Всем помолом заправляет.
Он, конечно, помогает —
Вырос мельничный доход,
Но в селе раз в год бывает.

Жаль порой фронтовика
Ставить вместо старика,
А иначе не выходит:
Жуков на маслозаводе
На приемке молока, —
Он еще не твердо ходит.

А Седых Никита — с тем
Только горе да заботы:
Пятый месяц без работы,
Лишь глаза мозолит всем.

Но сегодня еле свет
Из Совета позвонили,
Что известья поступили
О Козлове в сельсовет:
Со дня на день можно ждать.
Надо в срок коня подать.

В свой колхоз (к концу война!)
Председатель старый едет.

Может, чудится соседям,
Что Алена смущена?

Нет, она не смущена,
Просто рада Фомина:
Сразу — будто с плеч гора,
Выдержала свой экзамен,
И дела сдавать пора...
Но Козлов ведь тоже ранен,

Много пережил потерь.
Да, война не без урона...
«И какой-то он теперь?» —
Беспокоится Алена.

2

По проводу прямому
Из собственного дома
Звонит колхозный председатель
Секретарю райкома.

Зовет к прямому проводу
По случаю, по поводу,
По хлебу и покосу,
По срочному вопросу,
По важному, текущему,
По делу по насущному.

— Привет, товарищ Михалев!
Как жив-здоров?
— Я жив, здоров.
А кто у телефона?
— Да Фомина Алена.

У нас, товарищ Михалев,
Опять простои тракторов.

Что в эмтеэсе деется,
На бога, что ль, надеются?
Напрасно люди маются,
И лошади измучены,
А слесаря слоняются,
Работать не научены.
Оставлены два трактора
На волоке — обидно!
Работы агитатора
С людьми совсем не видно.
Уж вы нам помогли бы.
— Поможем.
— Вот спасибо.

Еще насущный разговор:
У нас опять с зерном затор.
Весь хлеб лежит на месте.
Что спят в автогужтресте?
Грязны дороги осенью,
Потом намерзнут глыбы.
Машину бы подбросили!
— Подбросят.
— Ну, спасибо!

Райком для предправления —
Во всех делах подмога.
В райком для населения —
Широкая дорога.
Он — свой,
В него идут, как в дом.
«А что в райкоме?»
«Как райком?»
Им жизнь на лад поставлена.
Совет,
Поддержка,
Правда в нем.
Идут колхозники в райком,
Как если б шли
До Сталина.

Поутру вновь Алена
Стоит у телефона.
День начинается звонком:
— Алё, райком!
— Алё, райком! . .

— К нам, товарищ Михалев,
Возвращается Козлов —
Председатель довоенный.
Мне б теперь учиться:
Смену
Дождалась.
--- А он каков?

— Как сказать? . .
Он раньше был
Дельным. . .
Опытным считался,
Правда, жизнь не торопил,
Высоко летать не рвался.
Спросят:
«Как дела, сосед?»
Отвечает:
«Помаленьку!»
И дела ведет ровненько,
Исподволь, огрехов нет. . .
Но теперь другие дни,
Всех нас время окрыляет. . . —
Михалев не возражает:
— Что ж, взглядишь. . . тогда звони.

Секретарь райкома сам
С год как с фронта прибыл, ранен,
И ко всем фронтовикам
Относился как к друзьям:
Все — его однополчане.

Коммунист иль нет — к нему
Шли по делу по любому,

Как солдаты к своему
Командиру боевому.

Никому отказа нет.
Чуть не так — и к Михалеву:
Он поддержит, даст совет,
Ободрит душевным словом.

Но и спуску не давал:
На примете всех держал,
Как на воинском учете.

— Ты проверь его в работе! —
О Козлове он сказал.

3

Ночью Алена с глазу на глаз
С письмами мужа осталась, читала.
Как их немного!
В который раз
Все пересматривала, разбирала.

Вот треугольничек.
Он невелик.
Послан с дороги. Давняя дата.
«Я еще, милая, не фронтовик,
Но уже в полной форме солдата.

Вот и солдаты мы!
Вышло и нам
Встать за отчизну свою с винтовкой.
Верно, вся жизнь наша к этим боям,
К этой войне была подготовкой.

Школа, потом комсомол... Скажи,
Разве мы знали недолю с тобою?

Лес, сенокосы да поле ржи...
Скоро увижу и поле боя.

Надолбы вокруг городов, деревень.
Камни, леса стоят в обороне.
Все мы из разных мест, а в вагоне
Стали родными в первый же день.

А до чего ж велика страна!
Едем и едем.
Когда-то будем?
Близко ль? Какая она — война?
Но уже сняты чехлы с орудий...»

Несколько писем пришло фронтовых
(Все они в стопке, в строгом порядке),
Больше душевной строгости в них.
Первые залпы...
Первые схватки...

Ласково Петр называет жену.
Дальше — все сдержанно:
Он обстрелян!
Несколько слов всего — про войну,
Больше забот о делах артели.

«Выдержи, выдюжи, не сломись,
Но не щади своих сил в работе.
Мы только начали нашу жизнь,
С фронта вернемся — горы своротим».

Пишет: он понял в огне войны
(Впрок испытанья идут отчасти!),
Что, мол, не знали полной цены
Мы, молодые, нашему счастью.

«В нашем колхозе работа шла
Слишком спокойно,
Дерзали мало...»

— Это теперь и я поняла, —
Шепчет Алена, —
Умнее стала!

Вот он узнал, что его жена
В партию следом за ним вступает,
Что председателем избрана.
Пишет:
«Горжусь тобою, родная!

Скоро начнем неприятеля гнать.
Русские мы — добудем победу.
Нам еще, милая, жить-поживать,
Время настанет — домой приеду

И поброжу еще в нашем лесу
С лайкой, с ружьем,
Подшибу косого,
В старый капкан изловлю лису,
Связку ершей принесу из ночного.

Будут и праздники в нашем дому,
Будут и встречи!
Ждем не дождемся.
Верю: с победой домой вернемся.
Верю: тебя и мать обниму.

Всех повидать,
Обо всем расспросить,
Полям пройти,
Новиною, лугом! . . .
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?»

В связке письмо это в самом низу.
Да неужели ж последнее это?
Сложены письма,
Закрыты конверты. . .
Нет, нипочем не сдержать слезу.

Изба пуста.
 Переступив порог,
 Солдат Козлов на лавку молча лег.
 (Он на попутной к дому подкатил,
 Свою подводу ждать не стало сил.)

И долго головы не поднимал,
 Почти забыв об усталости, о боли,
 Все примечал
 И все припоминал:
 Сосновый стол как будто меньше стал...
 В окне попрежнему леса и поле...

И кот на печке...
 Только масть не та.
 А кот на печке — значит, живы люди.
 Деревня как деревня, — простота,
 Дом сторожить оставили кота!
 Еще заметил холодец на блюде...

Медлительный, Козлов не по годам
 Казался осторожным и суровым.
 Отросшая в дорогах борода
 И хвойные, взлохмаченные брови.

Широкоплечий,
 Но плечо одно
 Заметно от ранения запало;
 С горбинкой нос,
 Лицо обожжено,
 И пальца на руке не доставало.

Лишь к вечеру жена пришла домой —
 Она за жнейкою снопы вязала.
 Как вскрикнула,
 К груди его припала!

Ощупала всего:
— Родной! Живой! .. —
И, причитая, громко зарыдала.

Жена из тех была, которым труд —
Как свет, как хлеб, как песня на народе;
Живут у моря —
Парусники водят,
В лесах —
На зверя с топором идут;
Привычные ко всякой непогоде,
И жнут, и ткут, и кружева плетут.

— Ну, успокойся, не реви, жена!
А ты осунулась. . . —
Взглянул с тревогой. —
Как видно, жизнь в деревне голодна?
— Нет, жить не голодно.
Работы много!

— Сынок, сынок! Ужели это мой? —
И сгреб Васютку рослого за плечи. —
Ты где же пропадаешь? Скоро вечер.
Вот и вернулся батенька твой домой.
Целуй, целуй, да по-мужски, покрепче.

Пушок не виден на губе мальчика,
Но бровь-то, бровь! ..
В отца пошел парнишка.
Еще не бровь, конечно, а бровишка,
Но ведь топорщится уже. . .
В отца!

Ну, Дунюшка, затваривай блины,
Да пива, водки! .. Доставай любое.
Селом отпразднуем конец войны.
— Ужель совсём конец?
— Для нас с тобою!

Хозяин воротился как-никак,
И для семьи и для села большак.

Так будет пиво?
— Пива наварю,
Но ведь страда, деньков погубим много,
У нас в колхозе с этим нынче строго.
Я с председателем поговорю.

— А председатель кто?
— Все Фомина,
Алена Николаевна.
— Ужели?
И как?
— А что же, — говорит жена, —
Все женщины без вас понаторели.

И, торопясь, раздула в печке жар.
Дров принесла,
А чтоб помылся в бане,
Поставила ведерный самовар;
Костюм его поглажен был заране.

Покуда хлопотала,
Сын-пострел,
Чтоб легче бегать, на крыльце разулся
И полсела оповестить успел,
Что у него отец с войны вернулся.

5

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
Кем ты, между прочим?
— Ну какие там чины!
Так, чернорабочим.

Вот поставили селом
К деду Кире — малым ^г.
Ремонтируем, куем,
Как и ты бывало.

— Вот как!
— Может, отдохнешь
Завтра встречи ради?
— Нет, теперь молотят рожь,
Много дел в бригаде.

— Угомону, значит, нет?
С детства непоседы... —
У сынка один ответ:
— Это ж для победы!

Говорит, а сам глядит
На карман солдата:
Может быть, наган торчит?
Может быть, граната?

— Автомата не привез?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Смотрит Вася на отца,
Задаёт вопросы —
Не узнаешь сорванца,
Говорит как взрослый.

---

^г М а л ы й — подручный.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного.

6

Весть о приезде разнеслась, и вмиг
Гостей набилось в избу до отказа.
Кузнец в пилотке,
В ватнике старик. . .
Толпа девчат — всех не признаешь сразу.

Есть женщины в шинелях фронтовых,
Есть даже в брюках;
У одной солдатки
Шаль из немецкой пестрой плащ-палатки:
Не до косынок было кружевных.

Подростки раньше станут у стены
И слушают,
Теперь к столу садятся
И тоже речь заводят о германцах,
О «душегубках», о конце войны,
О торжестве освобожденных наций.

А вот и председатель.
Дверь прикрыв,
К Козлову шла, как бы обнять хотела,
Но только руку сжала, оглядела,
Сияющая, радостная.
— Жив! —
И, поклонившись всем, на лавку села.

Такая ж все, как и девушках. . .
Стройна. . .
Коса густая с лентой зеленой. . .
Козлов сказал:
— Не старишься, Алена.

Начальница, а, верно, озорна
Попрежнему?
Ну, с фронтовым поклоном!

Меня пришлось, выходит, замещать?
Справляешься?
Ты, знаю, — боевая.
Иль трудно все ж?
— Да как тебе сказать?
Бывает всякое...
Война большая.

Работаем! — на том стоит весь свет.
Ты приглядишься — одобришь или нет?
Вот отдохни — да... —
Но последних слов
Как будто бы не разобрал Козлов,
Хоть ждал нетерпеливо, сам хотел,
Чтоб разговор зашел о сдаче дел.

— Где муж твой нынче?
— Тоже на войне.
— А помнишь, к нам его перевозили?
Ведь не его — тебя на нем женили...
— Еще бы этого не помнить мне!
Ну, как воюем?
Вижу — наградили!

— А помнишь, как мы жили на гумне,
Как уходить с работы жалко было?
А ведь тогда ты нравилась и мне.
— И ты мне... —
Из-за печки в тишине
Добавили, шутя:
— Что было — сплыло.

Смех оживил беседу.
А к столу
Всё новые сельчане подходили,

Здоровались,
Искали мест в углу,
Вдоль стен, садились даже на полу,
Переговаривались и курили.

— Мы, Николай Петрович, здесь — в лесу.
Как там война? .. Читаем только сводку.
Порассказали б!

— Созывайте сходку,
Поговорим.
Я речь произнесу.

7

«Казбек» — на стол,
Планшет — на стол,
Как будто напоказ.
Перед соседями повел
Козлов такой рассказ:

— С японцами, иль с финнами,
Иль с немцами война,
Страшна она не минами,
Пожарами страшна.
Земля горит, хлеба горят,
Твоя душа горит.
Глядишь вокруг, что жив, не рад —
И жарко, и знобит.

Когда, бедой научены,
Погнали мы врага
В дремучие, зыбучие
Болота и снега
И видели сожженные
Деревни, города,
В пустыню превращенные,
Казалось, навсегда, —

Нас утешало в горести,
Что где-то за спиной
Стоят родные области,
Не тронуты войной. . .

И вот я здесь.
И дорого,
Что тут у вас покой,
Не пахнет дымом-порохом
И не пугают шорохи
В деревьях над рекой.

В полях не рвы, а полосы,
Не взорваны мосты,
В лесу — шатайся по лесу,
На пожнях — рви цветы.
Здесь все места обсижены,
Не дует, не течет.
Кота оставишь в хижине, —
Он все устережет.

Давно не пил я жирного
Парного молока,
Не ел ржаного мирного
С грибами пирога.
Окопы, мины, надолбы! . .
Не стоит говорить!
Теперь, соседи, надо бы
Хмельного наварить,
Чтоб все, что было пройдено,
Припомнить до конца. . .

И красным светом ордена
Сияла грудь бойца.

И с красным светом ордена
В согласие был народ:

Путей во славу родины,
Что Николаем пройдены,
Никто не отберет.

Алена улыбается.
— Неужто здесь покой?
Мне, Коля, представляется
Жизнь наша не такой.

— А что, — сказал Козлов, — кажись,
У вас идет, как раньше, жизнь?
Вот у меня — особ статья:
Переменилась жизнь моя!

Я раненый, контуженный,
Фашистов бил сколь мог.
Слов нет, теперь заслуженный
Пришел на свой порог.

Сказал Козлов и ждет, что вот
Заговорит о нем народ.
Но людям словно невдомек,
На что он делает намек.

О месте председателя
Пока не говорят,
Его на пост не сватают,
Ужели не хотят?

Козлов опять:
— По-старому
Здесь тишь да благодать...
И все как мать поставила..
— Ну, это как сказать!

И вот уже нахмурилась
Алена Фомина:
— Сюда, конечно, с бурями
Не забрела война.

Для нас «траншеи», «надолбы» —
Мудреные слова.
Но, Коля, ты с бригадой бы
В поля прошел сперва.

Сидевший за печуркою
Седой старик вздохнул,
Взглянул на всех с прищуркою
Да ватник распахнул.

— Слова твои туманные
Не понял я, сосед,
Теперь-то с басурманами
Воюем мы иль нет?

У нас тут планы твердые
И линия одна:
Не иначе — за Одером
Закончится война.

Войну ведем, одним живем,
Все мысли о войне,
Все сбереженья отдаем. . .
А ты — о тишине.

Ужель в отставку полную
Задумал уходить? . .

И хоть бы слово молвили
О том, как делу быть.

По самому насущному
Хоть бы пару слов. . .

Алена молча слушает,
И молча ждет Козлов.

Лишь звезды да ребра крыш в окне.
 Соседи домой ушли.
 Два председателя наедине
 Разговор вели.

Махорочный дым по избе, жара,
 Скамейки по углам.
 — Ну что ж, Николай Петрович, пора
 Опять приступить к делам.

Я заждалась, учиться хочу!.. —
 Козлов покашлял в кулак,
 Ладонью провел по больному плечу.
 — Ну что ж, давай, коли так!
 А как народ?

— Убедим народ.
 Должны бы избрать опять.
 Нам только б сейчас не свернуть работ,
 Разгона не потерять.

На прожитое порой взгляну —
 И удивление берет:
 Сумели использовать даже войну,
 Чтобы шагнуть вперед.

Тут самый невидный расправил грудь.
 Равняемся по фронтам.
 — Ужели же людям передохнуть
 Не дашь?
 — И себе не дам.

А на улице гармоника
 В другом конце села
 Поначалу очень тоненько
 Припевку повела,

Словно реченька по узенькой
Полянке полилась.
В чем-то сердце вместе с музыкой
И песня родилась:

Погодите, не рубите
У крылечка елочку.
Хоть и раненый придет,
Я не оставлю дrolечку.

Нету кисти подходящей,
Написала б на луне,
Чтобы каждую минуту
Милый помнил обо мне.

Как пойдешь, миленок, в бой,
Думай так, что я с тобой,
А закончится война,
Не забудь, что я одна.

За палисадниками в тишине
Скрипели коростели.
Два председателя наедине
Разговор вели.

— Ведь, кажется, до смерти устают,
А вечер настает —
И собираются в круг, поют:
Молодость верх берет.

Сели к окну.
Открыли окно.
Вздохнула Фомина.
— Страх не люблю, когда так темно.
Жизнь-то у нас ясна!

Надо плотину ставить скорей —
Машины будут и свет.

— А сколько ухлопаем трудодней?
Подумала? Нет?

Все дорого нынче. А лет через пять
Приобретем за пустяк.

— Выходит, лет пять еще надо ждать?

— Выходит, что так!

— Я этого, Коля, не допущу,
Не старая пора.

— Ну, это уж я без тебя решу,
Я тоже хочу добра.

Алена задумалась:

«Неужель

Она не права? Но в чем?

Ведь можно колхоз посадить на мель,
Скупиться надо с умом».

И вслух продолжала:

— Коль поискать,

Доходы можно найти:

Вот целину за рекой поднять,

Клубнику развести.

Я из района корней привезу. —

Козлов засмеялся.

— Брось!

Иль мало всяких ягод в лесу?

Ходить бы время нашлось.

— Тогда запруди на Мокрушах пруд,
Карпов разведешь. . .

— Постой, а людские руки, а труд
Не ставишь ни в грош?

Не торопись, ведь не на войне.

Награды недостает?

И в реках довольно рыбы вполне,
Не изнуряй народ.

Потом с другой взгляни стороны:
Уж разве мы так бедны?
Иль плохо жили мы до войны?
— Не плохо...
До войны.

— Или считали доход на гроши?
Нуждались в каком добре?
Иль плохо работали? Не от души?
— Не плохо...
По той поре.

По той поре давал самолет
Два ста километров в час,
Сейчас такой самолет — тихоход,
За тысячу — в самый раз.

— Небось на язык-то каждый остер! —
Сказал Фоминой солдат...

У двух председателей разговор
Никак не идет на лад.

Гармошки разымчивый перебор
Уже на дороге, wpłyвает во двор,
Уже каблуки дробят.

Уже подбирается к сердцу басок.
И вот — далеко слышать! —
Выходит Лыкова Маня в кружок.
Ее не переплясать.

Подходили ко мне трое,
Я зараз дала отказ:
— От танкиста боевого
Письмецо дороже вас.

Пишет милый письмецо,
Что победа налицо,
Чтоб встречала, выходила
На тесовое крыльцо.

С фронта дролечка вернется:
«Здравствуй, милая моя!»
Дома все его наказы
Перевыполнила я.

Топну здесь да топну там,
Кружевным платком махну...

— А не пройтись ли, Алена, и нам,
Не вспомнить ли старину?

Алена вглядывается в темноту,
В махорочные огоньки.
— Хорошие люди, Коля, растут.
Вот уж не «мужики»!

Всех надо по нынешним-то годам
В техникумы посылать.
— Зачем же хороших — по городам?
А землю кому пахать?

Ведь не воротятся...
— Но почему?
Здесь тоже книги и клуб,
Такой же народ, как везде...
А кому
Отцовский порог не люб?

Какое село мы соорудим!
Проект почти готов,
Ты поглядел бы...
— Да поглядим,
А как же! — сказал Козлов.

— Не нравится, Коля, мне разговор.
— Не нравится — помолчи.
— Не изменился ты до сих пор... —
Козлов посмотрел на нее в упор
И оборвал раздраженно спор:
— Ну ладно, других учи!

«Он словно бы вовсе не воевал, —
Подумала Фомина, —
Не наступал и не побеждал,
Мимо прошла война».

И в сердце такой холодок дохнул,
Как если бы кто ее обманул.

9

А с Дуней Фомина накоротке
Поговорила в кухне.
Сели рядом.
— Ну, рада муженьку-то?
— Как не рада!
Спокойней как-то жить при мужике.
Вот только пива наварить бы надо.
Уж ты бы разрешила
Хоть в бачке.

— Выходит, сразу прибыло забот.
В бачке ли, в бочке ли —
Не в том задача.
Я своему сварю, когда придет.
Свари и ты, пускай хозяин пьет.
Вот жаль, что с пива разговоры начал.
Ему ведь дело надо принимать,
О деле — не о пиве толковать.

Расправив юбки сборчатый подол,
Козлова чуть помедлила с ответом.

— А я сейчас не думаю об этом.
По мне, уж слава богу, что пришел.
И с делом нечего тебе спешить,
Народ и сам увидит, как решить.

— Куда он ранен, Дуня?
— Он сказал,
Что в легкое, и не достать осколка.
Не от войны, мол, от врачей устал.
— Лечился долго?
— Говорит, что долго.

А твой-то пишет ли чего?
— Все нет!
Все нет и нет! ..—
И тут Алена встала.
Не встань, так не сдержаться б, зарыдала.
— Сидеть нам долго, Дунюшка, не след.
Ложись-ка спать,
Осталось ночи мало.

10

Дуня жала дотемна
И пары пахала,
Уставала допьяна —
Все казалось мало:
Не щадила сил она,
Чтоб скорей прошла война,
Чтобы легче стало,

С муженьком, чтобы опять
Вместе жить да поживать
И в ладу и в счастье,
Лишь с Васюткой воевать:
Стал без батьки забирать
Слишком много власти.

Дуня женкам об одном
Говорила:
— Все вернем!
Отдохнем, успеем!
Будет глаз мужской во всем —
Снова ладом заживем,
Все помолодеем.

Муж пришел,
И вот она
Верит и не верит.
Посидела у окна,
Приоткрыла двери.

Поздно.
Муж с сынком легли —
Только бы не скрипнуть!
«Ранен в грудь», — взглянула, и
Сразу слезы потекли, —
Только бы не всхлипнуть!

Утешенье, в чем могла,
Отыскать хотела.
Дуня думать начала:
«Только б кость была цела,
Нарастет и тело!

Фомину, гляди, пошлют
В город на ученье,
Снова старое дадут
Коле назначенье...»

А в глазах опять темно,
Слез полны ладони...
Сколько ей любви дано!
Муж когда-то (как давно!)
Звал ее «тихоней».

Нет, тихонею она
Не была уже: война
Жизни научила.
Но была строга, скромна,
Немногоречива.

Безответна? — Может быть.
Так сама хотела.
Лишь бы муж остался жить,
Стала б век ему служить,
Поперек сказать,
Сгрубить
Век бы не посмела.

И на все хватило б сил,
Помощи не надо,
Пусть он только б ел и пил,
Только б выжил, только б жил
С сыном, с нею рядом!

II

Уже поспели шаньги и блинки,
Стоял поднос с грибными пирожками —
Края прожаренные, гребешками —
Капустные дымились пирожки.
А печь была заставлена горшками.

Все, что скопила, сберегла жена
За долгий год,
Все выложила мужу.
— Одна беда, что не нашла вина.
Да, верно, будет и вино на ужин.

Схожу к Седых Никите.
С фронта он
Еще весной вернулся.
Вздорит с женкой.

Все выпил: спирт, вино, одеколон.
Он нынче промышляет самогонкой.

Бутылку приготовить упросила. . . —
Муж хохотнул:
— А Фомину спросила? . .

Васютка где?
С сынком на плес пойду.
— Он возит рожь. Возниц сегодня мало.
— Как? И ему Алена приказала?
Мне не плясать ли под ее дуду?

Как видно, всех зажала в кулаке.
Скажи, чтоб сына больше брать не смела! . . —
Его обида за сердце задела.
К тому же вспомнил вдруг о старике,
Что в ватнике:
Трунил вчера без дела.

Жена едва смогла заговорить:
— Ты сам дошел бы до Алены, Коля.
— Зови сюда, не мне за ней ходить.
И пиво завтра ж начинай варить!
— Я наварю. . .
Вернусь пораньше с поля.

— Алены не боишься? Я гляжу,
Она тут лишку власти забирает.
— А я на это так тебе скажу:
Нам Фомина худого не желает.
Конечно, дисциплину подняла,
Так не во вред, на пользу для села.

И Дуня серп взяла на сундуке.
— Вот, Коленька, когда придет охота, —
Жаркое в печке, каша на шестке. . .
— А ты куда?
— Да ведь стоит работа.

От удивленья он протер глаза:
— Ну, вижу, ты не очень тосковала. —
Потупившись, жена ему сказала:
— Ты отдыхай, а мне в страду нельзя.
Мы здесь не воевали.
Не устала.

И не послушалась его, ушла,
Оставив мужа одного с горшками.
— Ну и смешны, солдат, твои дела! —
Со вздохом он уселся у стола
И занялся грибными пирожками.

12

Все не так!
А что не так —
Не поймет Козлов никак.
Плохо, что ли, воевал? ..
Не того от встречи ждал!
Собралось людей немало,
Речь просили —
Произнес.
А чего-то не хватало. . .
Может, охов?
Может, слез?
Преклоненья, удивленья
От людей всего селенья,
Песен, звону, всяких благ? ..
Все не так.
А что не так?
Словно стал другим народ,
А каким — не разберет.
Был когда-то кузнецом,
Примечательным лицом:
За дотошливость, за сметку
Парня звали мудрецом.
В председатели избрали —
Он забыл про ремесло,

Но беды у наковален
Словно не произошло:
Без огня, без кузнеца
Не стояла кузница.
Стариками даже чтимый,
Он еще важнее стал
И попрежнему считал
Сам себя незаменимым.
Обижаться доводилось,
Думал:
«Вспомните меня!..»
Но ушел,
А что случилось,
Изменилось с того дня?
И погибни он, к примеру, —
Статься в битве все могло! —
Все б текло своим манером
И своим порядком шло.
А нежданное всего,
Непредвиденней... —
Да что тут! —
Не мужик вершит работу,
А не плохо...
Ничего!

Фомина Алена тоже
Разобрать всего не может,
В поведение бойца
Строго вглядывается.
За судьбу села тревога
Камнем на сердце легла:
Как бы торная дорога
Лебедой не заросла.
Сколько тут ее забот,
И бессонниц, и труда!
Дело двинулось вперед
За военные года.
Сдать колхоз — легко сказать!
С кровью надо отрывать...

И темно еще, и сыро,
 Землю стужей обдает,
 А в колхозе бригаиры
 Поднимают свой народ.

В черной гуще хмельника
 Ни сверчка, ни ветерка.
 Не прошла еще усталость
 От вчерашнего денька.

Но сойдутся молодицы,
 С прибауткой льется речь —
 И долой усталость с плеч,
 У людей свежают лица.

Бригадира в избы к чаю
 Зовывают:
 — Чай хорош! —
 Так и этак величают.
 Тот с ухмылкой отвечает:
 — Нас водою не возьмешь!

— Чем же брать вас?
 Бьем челом,
 Просим милости в наш дом.
 Понимаем — не простого,
 А начальника зовем.

Маня Лыкова с рассветом
 За комбайн опять взялась:
 Тронет то,
 Проверит это,
 Рвет замасленную ветошь,
 Воду льет, смывает грязь.

А в овраге, за оградой,
 Звон и гром — поет металл.
 Кузнеца будить не надо —
 Он давно к горнилу стал.

И Козлов припоминал,
Как он раньше сам не спал.
Неужели сын, мальчишка,
Нынче батькин молот взял?

Яков Розанов обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сядет на росстань,

На цветок во ржи подышит. . .
Но, куда ни завернет,
Что ни видит,
Что ни слышит,
Он еще войной живет.

За окольную избою,
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

На подъемах подвывая,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току за баней черной
Барабан гудит-ревет,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолет.

А овины, словно доты,
Жди, сейчас взгремит «ура»,
И стучат, как пулеметы,
У амбаров триера.

Долго, долго будет сниться
Нам страды военной гром,

Будем звать межу — границей,
Реку — водным рубежом.

А Козлову из окна
Жизнь колхозная видна.
К молодому бригадиру
Подступила Фомина.

Мане Лыковой — почет,
Бригадира — в оборот:
— Почему недобрым словом
Называет вас народ?

Убирать комбайном сыро —
Все на рожь с серпом идут,
Жницы на поле всем миром,
А такие бригадиры
Карандашики грызут

Да глядят со стороны,
Как работают бригады.
Мне чиновников не надо,
Мне колхозники нужны!

Одобренья не скрывая,
Смотрит воин из окна:
«Баба все же боевая,
Зря не крикнет, а сильна!»

На Алене Фоминой
Полушалок расписной,
Как у девушки, коса
Вьется ниже пояса.

* * *

И Николаю вспомнилась пора,
Когда он бегал в рваной рубашонке.
Алену звали попросту «Оленкой».
Подружку уважала детвора:

Она была на выдумки востра,
Отчаянней никто не знал девчонки.

В семье мальчишек не было, и ей
Дела мужские с детства доверяли:
Возить дрова,
В ночном пасти коней. . .
И в праздники она среди парней:
Себя «парнями» ребятишки звали.

Как помнится, одним была смешна —
В косичках ленточки носить любила.
Ни в чем другом ребят не подводила:
Ныряли все —
Ныряла и она,
Ловили белок —
И она ловила.

Училась, незаметно подросла,
И все старухи ахнули:
«Царевна!»
Густую косу туго заплела.
И вот, как по согласью, вся деревня
«Аленушкой» Оленку назвала.

В воскресный день или по вечерам,
Когда заря во хмельниках играет,
Когда спадает над селом жара,
Не спрашивай, где песни, где игра,
Спроси лишь, где Аленушка гуляет.

В деревне любят красоту и статью.
Но ты работу покажи сначала —
По всей округе сразу будут знать.
Аленушка, невеста, всем блистала.

Руководитель лучшего звена,
Известная в районе комсомолка,
Стахановка, затейница, она
Могла ль в невестах засидеться долго?

Но только время для любви пришло
И бубенцы под окнами запели,
К правлению сбежалось пол-артели:
Аленушку в соседнее село
Колхозники отдать не захотели

И порешили вместе с ней на том,
Чтоб жениха позвать в свое селенье.
В конце деревни выстроили дом —

Широченный,
Пятистенный,
Восемь окон, две избы,
С мачтой-радиоантенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

И когда на новом месте
Поместил колхоз невесту,
Целый поезд сватов-хватов,
Кто в телеге, кто верхом,
От невесты от богатой
Подался за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха!
Никакой тебе помехи,
Дел в артели — за глаза...

Зла любви!
Ведь переехал,
Даже слова не сказал.

И работать начал так,
Что в колхозе ликовали:
— Не ошиблись! — повторяли. —
Что ни дай — на все мастак.

Как все, когда нагрянула война,
Алена мужа с плачем провожала,
Но с той поры деревня не видала,
Чтобы хоть раз поплакала она.
В войну для всех соседей Фомина
Аленой Николаевною стала.

14

Утро в горячую пору лета —
Самое лучшее время дня.
Встанет Алена еще до света,
В легкий ходок запяжет коня

И обьезжает свои владенья,
Вдруг появляется, где не ждут:
Нет ли какого где упущенья,
Всюду ль дела хорошо идут?

Все ли бригады имеют наряды?
Не догляди — пойдет беспорядок.
А чтоб везде успеть побывать,
Договориться с людьми,
Ей надо
С вечера раньше ложиться спать.

Но лишь стемнеет и стихнет селенье,
С книгой сидит Фомина у огня:
Вечер для чтения,
Для ученья —
Самое лучшее время дня.

Книги на скатерти домотканной:
Тут и учебники,
И романы,
Пачка брошюр, бумаги десть,
Даже стихи и поэмы есть.

Карта развернутая,
На карте
Наши победы — карандашом,
Краткий курс истории партии,
Сталин —
С резною закладкой том.

Кто не видал столов в кабинетах
Директоров, генералов, поэтов?
Книжные полки,
Натертый пол. . .
То — в городах, вдалеке от сел.
Это ж — нигде небывалое,
Это —
Русской крестьянки п и с ь м е н н ы й с т о л.

Стол председателя сельхозартели!
В песнях еще его не воспели,
Часто простой,
Без ножек резных,
Два только ящика выдвижных.

Но и на нем и сметы, и схемы,
Пишутся книги,
Творятся поэмы.
Может ведь статья, что Фомина
В полночь, когда отдыхаем все мы,
Песни слагает, оставшись одна.

Кто ныне сельскую Русь узнает?
Книги читают наперебой,
Тысячи курсов — и мест не хватает,
Ленин и Сталин в избе любой.

Окна открыты,
И шелест клена,
Шелест рябины слышен в избе.
С карандашом, с тетрадкой Алена
Читает «Историю ВКП(б)».

Словно бы шире становятся плечи.
Хоть по четыре странички в вечер
Даже в страду решила читать.
Думала раньше — сил неостанет:
Дело приходит — другое тянет,
А начала — неохота спать.

Жизнь — все концы ее и начала —
С книгою этой понятней стала,
Все расстоянья невелики,
Словно на берег большой реки
Вышла
И глянула из-под руки.

После — любое возьми сочиненье,
Если написано с чистой душой,
Воспринимается как дополнение
К этой книге —
Простой и большой.

Полночь.
Хотя петухи пропели,
Дню трудовому не вышел срок,
Над пятилетним планом артели
Надо еще посидеть с часок.

Только когда будильник трезвоном
На подоконнике залился,
Кой-что еще в дневник занеся,
Из-за стола поднялась Алена.

15

Фомина писала не много:
Перья тонки —
Рука сильна.
Разлинованная дорога
Все еще для строчек нужна.

Но у каждой рвенье заметно,
Если даже и лезет вверх,
Быть, чего бы ни стоило это,
И прямой,
И ясной для всех.

Ежедневные наблюдения,
Размышления, ход работ,
И победы, и поражения
Отмечались из года в год.

Все рассыпано щедрой горстью,
В каждой записи жизнь видна.
Запись, словно пучок колосьев,
Датой-поясом скреплена.

Из дневника А. Фоминой

* * *

Проводили мы на войну
Агронома и счетовода,
Маслодела, животновода
Да учительницу одну.

Трактористов двое ушло.
Я, признаться, робею малость,
Чтобы после войны село
Без интеллигенции не осталось.

Надо снова в райком писать:
Если курсы какие будут,
Дали б места четыре, пять —
Подберутся новые люди.

Вон у Дуни сынок растет —
Не сидит без дел ни минутки,
С комсомольцами вместе идет —

Ни посевы, ни обмолот
Не обходятся без Васютки.

Гидростанцию скоро начнем
Строить —
Только войну закончим.
Я его в механики прочу,
И помощников подберем.

Чтобы все своими руками —
Каждый винтик и каждый камень,
Свой почин, голова своя,
И победа будет за нами!

* * *

Слова два о старике,
Что даже летом — в ватнике.

Он попал к нам в эвакуацию
В сорок первом, издавека.
Не огород, а прямо плантацию
Разбил вокруг домка.

Злаки, разные травы посеяны.
Говорит:
— Должны зацвести! —
Говорит:
— Пора и на севере
Порядок навести, —
Верный хлеб и в лесах снимать,
Волю климату диктовать.

Счетоводство ему доверили,
Ничего —
Одолеl, привык.
У конторы — каков старик! —
То посадит фруктовое дерево,
То устроит цветник.

А в саду, за клубом-читальнею,
Где народ отдыхать любил,
За ночь
Перед статуей Сталина
Полевых цветов насадил.

Люди встали — глазам не верится,
А старик разъясняет сам:
— Это я наше чистое сердце
Положил к его ногам.

Много видел,
Душой велик —
Содержательный старик.

* * *

Прямо спасу от Якова нет, —
Только б поспеть во всем за солдатом!
Сегодня новый принес проект:
Мельницу делает комбинатом.

Я пилораму уже нашла,
С тесом во всех делах облегченье.
Теперь для гончарного ремесла
Устраивает приспособленье.

Требуется плотников, чтобы рубить
Заново — в три пролета — плотину.
Требуется:
— Дайте динамомашину —
Мельница будет коров доить!

* * *

Много сил у нас в народе,
Надо их уметь поднять.
Кто к какому делу годен,
Председатель должен знать.

Маню Лыкову, к примеру,
Можно смело лет за пять
Дотянуть до инженера,
Если только в руки взять.

Конюх, скажем, должен быть
В ветлечебнице, как дома,
Председатель — агрономом;
Как могу иначе жить?!

За Козлову Дуню мне
И неловко и обидно:
Все молчком да в стороне,
А ее ли дел не видно!

Вышли в море — надо плыть!
А иначе — что за счастье?
Никому при нашей власти
Не к лицу тихоней быть.

«Затирают!» — говорят.
Ты затри меня, попробуй —
Так отважу, что до гроба
Будешь сам себе не рад.

Обещал райком послать
(Я прошусь в Москву!) учиться.
Не дождусь! Хочу добиться!
Только б смену подыскать.

* * *

Думалось: только Козлов — домой,
С плеч половина забот долой.

Вот и приехал он.
А денек
Радостным не считаю.

Знать, кой-кому испытанья не впрок,
Время не в пользу,
Война — не урок:
Крымля не отрастают.

«Куда ты торопишься?» — говорит.
И как мне с ним согласиться:
Уже нам в глаза коммунизм глядит,
Можно ль не торопиться?!

Сегодня с утра в городке была,
В райкоме у Михалева,
И рассказала про наши дела.
Ах, если бы я записать смогла
Мысли его до слова:

Союз наш, как свет над землей, широк,
Нет равной державы в мире,
И север, и запад, и юг, и восток
Такие, что нет их шире.

Над нашей страной солнце встает,
У нас начинается новый год,
И новый век у нас начался,
И Ленин у нас в стране родился,

И Сталин у нас в стране родился.
Она вся — как песня,
В полете вся.
Нам первым в будущее входить.
Так как же нам время не торопить!

Мы раньше других на работу идем,
В Америке — темень,
У нас — подъем.
По проторенному нами пути,
По нашим следам миллионам идти.

А не печетесь о завтрашнем дне
Да под ноги только себе глядите, —
То в нашей, товарищ Козлов, стране
Какой вы руководитель?!

* * *

Да, вижу, Козлов чего-то
Не понял и посейчас.
Колхоз на Доске почета
При нем побывал не раз.

Пахали, косили, жали —
Извечное, как урок,
И во-время хлеб сдавали,
Налоги вносили в срок.

Вставали не слишком рано:
Зачем, мол, жизнь торопить?
И сельсоветские планы
Боялись переступить.

Исправной была работа.
Козлов и стоит на том.
А люди хотят полета,
Размаха, души во всем.

Прошедшему пламя и воду,
Окрепшему в дни войны,
Такому, как наш, народу
Нужны сапоги-скороходы
И самобранки нужны.

* * *

Может быть, нет на земле угла,
Города, госпиталя, вокзала,
Куда бы тревога моя не дошла,
Куда бы я писем не посылала.

Петенька, слышишь ли ты меня?
Крепче любовь моя год от года.
Я бы тебя из любого огня
Вынесла, только бы голос подал.

Выдержи, выдюжи, не сломись!
Я на себя приму все тревоги.
Мы только начали нашу жизнь,
Не проторили своей дороги.

В поле, в окопе, в разбитом дому
Вера моя тебя охраняет.
Боли твои на себя приму,
Пусть твое сердце страха не знает.

Легкого счастья на свете нет,
Все добывается с кровью, с бою.
Пусть в твоём сердце не гаснет свет.
Петенька мой! Я всегда с тобою.

Ночь коротка,
А заснуть невмочь.
Полночь на Спасской башне пробило.
Жаль, не оставил ты сына иль дочь,
Мне бы спокойней и легче было.

16

К Козлову долго Фомина не шла —
Все некогда:
Сломался в поле трактор,
Овес поспел,
Застрял обоз на тракте,
Семян недоставало — все дела...
А Николай выдерживал характер.

— Так вот как принимаем мы гостей! —
Сказал он ей. —

Уважила, Алена!
Я думал, встретят с колокольным звоном,
Да, видно, ты превыше всех властей
И у тебя на все свои законы.

Иль ты и надо мною генерал?
Не так солдата привечать бы надо.
Я генералов не таких видал,
Мне сам Калинин орден выдавал
(Солдат приврал!),
Но я не о награде.

Сижу безвыходно в избе пустой
Один, без дела, с печки не слезая! —
Алена вскрикнула:
— Постой! Постой!
Ты здесь не гость,
Ты — дома, ты — хозяин.

— А раз хозяин, созвала бы ты
Собрание да, объяснясь толково,
Сдала дела.
Что прячешься в кусты?
Иль мне быкам заламывать хвосты?
С колодца воду подвозить коровам?

И Фомина сдержаться не смогла,
За плечи косу кинула сердито:
— Не торопись!
И здесь война была,
И мы хлебнули горького досыта.

Заслугами своими не кичись,
Я генералов не таких видала!
Войну прошел,
А нашу знаешь жизнь?
В войну здесь люди тоже поднялись.
Теперь у нас попробуй отличись,
Чтоб вся деревня за тебя стояла!

Мы сна не знали в здешней тишине.
Ты вот послушай о своей жене.

Лошади в колхозе
Всегда на работе:
То в извозе,
То на обмолоте,
В роще да в поле
По целой неделе.
Где уж тут — в холе,
Где уж там — в теле.
Холеные мерины
На другой работе:
Служат в кавалерии,
Может, в пехоте.
В колхозе —
Постарше,
Попроше, поплоче...
А крестьяне наши
Жалеют лошадь.
Машины постарели —
Одно несчастье:
Где они в артели,
Запасные части?

И решили бабы:
«Мы задворки наши —
Велики ль усадьбы! —
Без коней вспашем».

Тяжело — не тяжко.
И пошли цугом:
Четверо в упряжке,
Пятая за плугом.
Тянут-потянут.
Пот —
Ручьи льются.
Отдыхать станут —
Шутят, смеются:

«Ну как?» —
«Не плохо.
Вон — отмахали!
При царе Горохе
Так вот пахали».

Тут как председатель
Я налетела:
«Тотчас выпрягайтесь!
Разве это дело?
Весь колхоз ославите,
В петлю лезть заставите,
Да еще, не ровен час,
Пред судом поставите!
Завтра же вам вспашут...
Лучше б не родиться,
Что в райкоме скажут?
Что за границей?
Ну, не бестолково ль,
Честное слово!..»

«Стойте! —
Дуня крикнула. —
Что же тут такого?
Хает заграница?
Вишь, чего боится.
Не понять им, что ли:
Наши кони в поле!
Это наши кони
И колхозы наши
Вражью силу гонят,
За Дунаем пашут.
А кто хаять будет —
К нам таких направьте:
Если они люди,
Разберут по правде.
Лес возить впряжемся —
Не согнем спину.

Мы за то бьемся,
Чтобы враг сгинул!»

Вот какой был случай.
Понимай как лучше!..

Собранья требуешь? Могу собрать,
И отчитаться можно — сделай милость!
Но лучше было б с этим подождать:
Гляди, конфуза чтоб не получилось.

Тебя же знают тут со всех сторон.
Вон говорят:
Из кожи, мол, не рвется
И от добра добра не ищет он...
А это нынче, Коля, не закон.
Народ с тобой, гляди, не уживется.

Возьми сперва, что легче.
Выбирай:
Животноводство, стройку — что по силам,
И бригадиром я бы предложила —
Сейчас везде работы через край,
Лишь знаний да охоты бы хватило.

Вот Яков Розанов у нас теперь
На мельнице,
И так поставил дело
По-фронтовому — четко да умело,
Что сердце радуется.
Верь не верь —
Один солдат бригады стоит целой.

Иль, может, больше подойдет тебе,
Пока не крепок и лечиться надо:
В обед читай газеты по бригадам
Где приведется — на поле, в избе,
У молотилки, —
Люди будут рады,
Без чтенья как-то всем не по себе.

Присмотришься, подумаешь, поймешь... —
Козлов опешил:

«Что она — смеется
Или всерьез?» — глядит, не разберется.
— Отставку, значит, полную даешь?

— Зачем отставку? Дело подберем.
Желанье было бы.
Введем в правление... —
Но он уже любое предложение
Стал принимать теперь за оскорбление.
Все поворачивалось кверху дном.
— Так вот как изменилось положенье!
Забыла об ученье о своем?

Ну что ж! Коль так, я отдыхать хочу.
Работать я, хозяйюшка, не буду,
Мне и в правление быть не по плечу.
Вот пенсию в районе получу.
Я не подсяду к даровому блюду!

Есть грузди в роще,
Рыба в речке есть,
Охота добрая и ягод вволю...
— Ты, стало быть, решил на шею сесть
Жене и сыну?
Думаешь, позволю?

Что скажут люди, Коля?
— Ах, напасть!
— И дисциплину не имеешь права
Нарушить.
— Ишь ты, воинская часть!
— А ты не знаешь нашего Устава?

Козлов поднялся, тяжело дыша,
Под стол со стуком табурет задвинул.
— Ну что ж, назначь, Алена, в сторожа,
Колхозную уважу дисциплину.

Что люди скажут, поглядим потом... —
Алена с горьким гневом улыбнулась:
— Да, я в своих надеждах обманулась!
На продуктовый склад кладовщиком
Пойдешь, коль так, —
Вздыхнула, отвернулась,

Добавила: —
Нам нужен кладовщик.
Надеюсь, что обвешивать не будешь?
— Назначь, назначь! Пускай посмотрят
люди:
Начальство — ты,
В кладовке — фронтовик.

* * *

Поздней жене и сыну перед сном
Козлов, нахмурившись, сказал:
— Ну, баба!
Меня берет на поводок во всем,
Я, председатель, стал кладовщиком!.. —
И засмеялся: —
В деле боевом
Дивизией командовать могла бы.

Семья, как видно, слов не поняла.
Сын подтвердил:
— Конечно бы смогла,
Ведь на твоём недаром месте служит. —
А Дуня молвила, садясь за ужин:
— Жизнь для Алены нынче тяжела,
Уж года два как писем нет от мужа.

17

«Вот тебе и «озорна»!
Словно б даже ростом
Выше стала Фомина.

А давно ль была она
Комсомолка просто».

У Козлова в горле ком:
«Все-таки с солдатом —
Орден ведь! — с фронтовиком
Слишком грубовата».

Захотелось обойти
Все поля, дороги.
Согласился бы ползти,
Если б сдали ноги.

Перемен особых нет
В жизни,
Но, пожалуй,
Для таких тяжелых лет
Их не так уж мало.

Главный в деле поворот —
Это сразу ясно:
Не болтается народ
По селу напрасно.

Завернул на сеновал —
До отказу сена.
Но в конюшне увидал
Грязи по колено.

Охнул:
— Видно, за конем
Никакого глазу!
Мы там головы кладем,
Дома — безобразят.

В скотный двор зашел —
И здесь
Ждал всего худого,
Но взглянул — коровы есть,
Ничего коровы!

Чистота, простор и свет —
Ничего не скажешь.
Накричать причины нет,
Стало грустно даже.

Запах леса, шум ржаной
Подступают к горлу.
Вечеру, как в дом родной,
Потянуло к горну.

Думал, может быть, Козлов,
В кузне ни металла,
Ни мехов, ни молотов
Без него не стало?..

* * *

— Здорово, дед!
(А сердце бьется!)
— Здорово, служба. Как живем?
— Что за бадейка?
— Для колодца!
— Куется как?
— Чуть свет куем.

Все обжитое, дорогое —
Мехи, корыто, молоток...
Волнуясь, словно перед боем,
Переступил Козлов порог.

Сынок Васютка тут же был,
Смутился, но не отступил,
Лишь взял кувалду из угла,
Как будто в том нужда была.

Передник кузнеца хоть брось —
Прошит окалиной насквозь,
Окладистая борода
Рыжа, как ржавая вода.

Он клещи опустил в горнило,
Слепаящий вытянул брусок —
И сразу стены осветило
И расцветило потолок.

— Чай, не забыл свою работу? —
Заговорил, помедлив, дед. —
На ней одной стоит весь свет:
Ни посевной, ни обмолоту
Без кузнеца движенья нет.

Ни отдохнуть, ни вымыть руки...
Чуть не досмотришь — быть беде,
И там поправь,
И тут постукай,
Подкуй, подбей —
Кузнец везде.

И ведь не спросит дед Козлова,
И в мысли не придет ему,
Что, может, «служба» хочет снова
Вернуться к делу своему!

— Ну, говори мне напрямик:
Как без хозяина живется? —
Спросил Козлов.
(А сердце бьется!)

— С хозяйкой! — отвечал старик.

— Скажу, но только не взыщи, —
И руки вытер о передник. —
Об этом думал я наперед:
С ней больше света для души.

Покою, точно, не дает —
Ни дня без нового наряда.
Но ты ведь знаешь наш народ:
Ему бы все вперед, вперед,
А Фоминой того и надо.

Ведет на жатву, словно в бой,
И все ей мало, мало, мало.
Не плохо жили и с тобой,
Но все чего-то не хватало.

У ней все люди на счету,
Она любому влезет в душу.
Ну вот и все,
Начистоту,
Не любо, говорят, — не слушай.

Васютка глаз не подымал.
Отец к нему спиною стал
И кузнецу сказал:
— Дай, дед,
Поколочу — смогу иль нет?

Не торопясь, расправив плечи,
Он к наковальне подошел,
Взял молот
(Раньше был он легче!),
Ударил...
— Дай, старик, еще!

Старик, схватив его подмышки,
Ворчал:
— Гляди, не упади! —
Потом приподнял, как мальчишку,
И на скамейку посадил.

— Остерегись, не надорвись! —
Сказал, как сыну, грубовато. —
Ни в грош свою не ставишь жизнь,
А ведь теперь и жить солдату.

Два плаката на гумне:
«Все для фронта!»
«Хлеб — стране!»

Перевеянная рожь
В ворох ссыпана к овину.
Три подводы и машину
Снаряжала молодежь.

Комсомольский секретарь,
Лыкова,
Во все вникала,
Досконально проверяла
Весь извозный инвентарь.

Говорил о ней народ,
Что во всем с Аленой схожа,
Фоминою будет тоже,
Только силы наберет.

Солнце — любо поглядеть,
Сушь — с восхода до заката.
— Хорошо бы нам, девчата,
В город первыми успеть!

Хочется поговорить,
Но во время обмолота
Барабан не заглушить,
А молчком — не та работа.

И девчата стали петь.
На току машин гуденье —
Музыки сопровожденье.
— Да, не плохо бы успеть.

— День погож! — поет одна.
— Ну и рожь! — поет другая,
В холстяной мешок ссыпая
Жестяной совок зерна.

Кто-то громко помянул
За работу добрым словом
(Тоже песней) Фомину.
— Ну, а как теперь с Козловым?

Избирать его иль нет? —
Маня сразу сбилась с пенья:
— У меня такое мнение —
Выбирать его не след.

Не уйдем далеко с ним,
Ходу он не даст артели.
— За Алену бой дадим! —
Комсомольцы зашумели.

И когда из-за мешков
Появился сам Козлов,
Голоса не улеглись:
В вихревых столбах половы
Не заметили Козлова.
— Жми, ребята!
Шевелись!

Заглушая гул мотора,
Только громче стали петь:
— Наш обоз, ребята, в город
Должен первым подоспеть!

19

Устал, как на покосе в зной,
И голоден,
Но нет терпенья,
Решил еще зайти в правление.
Лишь не столкнуться б с Фоминой.

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В углу плакат, как вывеска,
Двухцветная доска.

Стена в газетных вырезках
И в «Боевых листках».

Другая в фотоснимках,
Полученных с войны:
Сидят бойцы в обнимку —
Колхозные сыны.

На самом видном месте
Узнал он свой портрет.
Все чинно, честь по чести,
Обиды будто нет.

Окинул карту взглядом:
Все стрелы на Берлин,
Разделано как надо,
Охаять нет причин.

Артили «Годовой отчет» —
Трехзначные ряды:
Приход-расход, приход-расход,
И тонны,
И пуды.

Потом — «Распоряжения»,
Особая стена.
И всюду:
«Предправления —
А л е н а   Ф о м и н а».

Под новою картиной
Стояло пианино.
Пусть за него покуда сесть
Никто не мог, но люди
Считали:
Пианино есть
И пианисты будут.

В конторе только счетовод.
Графленный лист в руке.
Козлов глядит:
«Да это ж тот...
Знакомый... в ватнике».

Кивнул ему, сказал:
— Привет! —
И сел на табурет.
(А кресло где, в котором он
Сидел немало лет?) —
Что я тебя не помню, дед,
Ты здешний или нет?

Старик откашлялся в кулак,
Бумагу отложил:
— Сказал бы все, не знаю, как...
— По совести скажи.

— Так я, коли по совести,
Из дальнего угла:
Из разоренной области,
Сожженного села.

Мы шли от горя тяжкого
Семьей куда невесть. —
И он тряхнул костяшками,
Откинул пальцем
Шесть.

— Нас было шесть.
Дорожкой
Лесной ночами шли.
Сначала под бомбежкой
Две дочки погибли.

Старик на счета не взглянул,
Но снова руку протянул,
И снова счета брякнули,

Как будто гальки горсть. . .
— Старуху прямо на поле
Похоронить пришлось.

«Брось!» — вздрогнув, чуть не закричал
Козлов на старика.
Но сам старик не замечал,
Что делает рука, —
Знать, горю не хватало слов, —
И обрывать не стал Козлов.

— Пристал сынок к разведчикам,
Известно: сыновья!
Остался, делать нечего,
С одною дочкой я.

Дошли, когда растаяло,
До здешних палестин. . .
Здесь дочь меня оставила,
В итоге — я один.

На старых счетах желтая
Одна осталась кость,
Поблекшая, истертая. . .
— Но я в селе не гость.

Прибилась дочка к городу,
Я не перечу ей,
Но сам я, братец, смолоду
Живу среди полей.

Не разлучусь с землецею:
Мне нужен садик, двор,
Да чтоб смолой-живицею
Дышал вокруг простор,

Да озером,
Да пожнею. . .

Кто в чем увидел свет,
А для меня, сосед,
Ну, ничего надежнее
Земли родимой нет.

Возьми в соображение
Еще статью одну:
Почет и уважение —
Мы кормим всю страну.

В селе я не на выделе:
Свой брат,
И власть своя,
И службой не обидели, —
В семье, выходит, я.

К тому ж, хозяйка здешняя —
Хозяйка с головой,
Она, конечно, женщина,
Но баба ничего!

— Довольны, что ль? — спросил его
Козлов.

— Да как сказать...
Пожалуй, что ни на кого
Не думаем менять...

Старик прибил с волока
К селу — и свой, гляди.
За счетами, попробуй-ка,
Его опереди!

И ведь, стуча костяшками,
Не спросит лысый черт,
С какою думой тяжкою
Солдат Козлов живет.

«Только бы не в сторожа
С боевого рубежа,
Не на понижение:
Хуже острого ножа
Это поражение!»

20

Председатель Фомина
Говорит:
— Убеждена,
Что на свете нашей службы
Нет трудней,
Люта она!
Разве только шоферам
Так еще везет, как нам.
Дни и ночи маешься,
С кем ни поругаешься —
Рассудительное слово
Не доходит до иного,
Помутнеет белый свет,
А спасибо даже нет. . .

Фомина шумела в меру
(Промолчать — не вынести!)
С бригадами, к примеру,
По необходимости.

С Маней Лыковой:
У той
Нрав крутой,
Не золотой;
Чтобы с ней поговорить,
Надо зубы наострить.

Вот уж верно — жар в груди:
Коль сама не впереди,

То не видит смысла в жизни.
Чуть заминка —
Всех, гляди,
Обвинит в оппортунизме.

В поле, в гумнах, на дому
Наступала и шумела
Фомина,
Все потому,
Что для всех добра хотела.

Председатель бывший даже,
Николай Козлов,
И тот,
Как приметил весь народ,
Поперек два слова скажет —
И позиции сдает.

Потому-то для села
И загадка в том была,
Что она с Седых Никитой
Долго сладить не могла.

* * *

Все Никита в жизни мог,
Счастье баловало,
Для него больших дорог
Выпало немало.

Рос веселым, разбитным —
Девушки любили,
Под гармонь гурьбой за ним
По селу ходили.

Понемногу все умел,
Но искал чего-то.
Заниматься не хотел
Маленькой работой.

Без охоты дома жил
И в полях ни разу
Ни к чему не приложил
Силы до отказа.

Много выпало дорог,
А ноги не стало —
Он найти себе не мог
Даже тропки малой.

Как-то сразу посерел
И, на все в обиде,
Ни больших, ни малых дел
Для себя не видел.

Воротился в дом родной —
Все осточертело,
С постаревшею женой
Ладить надоело.

И жена — тиха, грустна —
Плачет на народе.
Уж кончается война,
Ей не легче:
Все одна
На работу ходит.

Муженька не узнает,
Он все дни гуляет.
И почет ему не тот...
Плачет женка,
А народ
Слезы понимает.

Где он душу разменял,
Колеса по свету?
Дом ему немилым стал,
Словно и не воевал
Он за землю эту.

Тряпки, мыло, табачок...
Купля и продажа...
Ездит в город на толчок —
Чем не новый кулачок?
И ухватка та же.

Грех, но больше нету сил...
Лучше б овдовела,
Лучше б он не приходил,
Лучше б голову сложил,
Чем такое дело!

* * *

Скрипит, скрипит нога —
Самодельная клюка.

Солнце село.
Ветер спит.
Спят собаки у ворот.
А нога себе скрипит,
Аж за сердце берет.

Молчаливый, перекошенный
Костыляет инвалид.
У шинели вид заношенный,
Козырек к затылку сбит.

— Кто такой?
— Седых Никита. —
Горе ходит неприкрыто.
У людей душа болит:
Пьет Никита-инвалид.

Где его повадка твердая,
Где его поглядка гордая?

Обтирает пот рубахою,
Сам похож на мертвеца,
На Никите нет лица.

Люди охают и ахают,
Отплёвываются.

На него Козлов глядит:
«Что же это деется?
Две нашивки на груди —
Это не безделица».

А вокруг народ твердит:
«С толку сбился инвалид!
Что — нога? Душа отбита!
Сплоховал боец Никита!»

Может быть, такой почет
И Козлова ныне ждет?

— Стой, Никита!
Что ж ты, брат:
Что ни день, то новости,
Не добром тебя честят.
С кем войну ведешь, солдат?
Расскажи по совести.
Будто пьешь,
Стекла бьешь,
Людам ходу не даешь?
Загляни-ка!..

У крыльца
Громыхнув задвижкой,
Тот вошел.
— Поклон бойца!
— Проходи, братишка!

Сел Седых к столу, кисет
Вынул из-под кепки
И сказал:
— Верти, сосед, —
Заморенный, крепкий.

А кисет широк и ярок,
Буквы шитые горят —
Фронтowej, должно, подарок, —
А в кисете самосад,

Ядовит его дымок.
— Ну рассказывай, браток,
Как дела?

— Тут все дела
Поделом заело.
Первым делом у села
Фомина всю власть взяла —
Разве это дело?

И Никита сплюнул,
На цыгарку дунул.

— Настоящей силы нет.
Бабы и отчасти
Сосунки в тринадцать лет
Тут стоят у власти.

Все, конечно, у бабья
На детсад похоже:
Философия своя,
Угол зренья — тоже.

Им бы печи да вода,
Ступки да корыта...
А мы брали города!
А нам горе не беда!
— Не чуди, Никита!

Не черни зазря село.
Если разобраться,
Тут, брат, тоже дело шло,
Не к чему придраться.

Но Седых уже кричал,
Поднялся, клюкой стучал:

— Устояла земля
На одном солдате.
Почему ж не ты, не я
Здесь председатель?

Видно, как ни чуди,
Нам из этой чащи
Надо в город уходить, —
Случай подходящий.

А потом, косясь на дверь,
Вдруг шепнул Козлову:
— Может, вновь тебя теперь
Примут за основу?

Ты не баба и давно
Во главе артели.
Мы б с тобою заодно
Всем селом вертели! . .

И когда со скрипом встал,
Взяв кисет солдатский,
Прямо в ухо зашептал
Уж совсем по-братски:

— Может, хочешь первачу?
Не вино, а диво.
— Нет, Никита, не хочу
Ни вина, ни пива.

На себя взгляни сперва.
Фомина, кажись, права,
Дело, видно, знает.
Сердце, брат, твои слова,
Ну, не принимает.

Я и то работу взял!
И тебе пора бы.
Я теперь завскладом стал... —
Тут Седых захохотал:
— Обломали бабы!

Эх, брат,
Слушай, брат!

Ты — солдат, и я — солдат.
На селе с тоски умрешь.
Поживешь, и ты запьешь:
Лужа окаянная,
Скука деревянная.

А мы брали города,
А мы парни хоть куда.
Неужели ж нам с деревней
Не расстаться никогда?

Не хочу я жить в артели,
Сарафаны надоели.
Буду в городе, на воле,
На виду...
А здесь я кто? —
Николай спросил:
— А то ли?..
Так ли?.. —
Охнув, как от боли,
Проскрипел он:
— Верно, Коля,
Все не то!

Высек искру из кремня,
Закурил.
— Поверишь ли,
Горожанин из меня
Тоже не всамделишный.

Трудно, Коля, трудно, брат!
Ты поймешь,
Ты сам солдат.

Позабудутся тревоги,
Рвы травой покроются,
Заровняются дороги,
Города отстроятся,
Может, камни зацветут, —
У меня другие ноги
Никогда не вырастут.

Вот и все речи.
Только в тот же вечер
Много слухов по селу
Шло об этой встрече. . .

21

После ужина на печке
За трубой Козлов прилег.
Дым свивается в колечки
И летит под потолок.

На подушке пуховой
Отдыхает домовой,
Сытой лапой морду трет
Домовой —
Усатый кот.

И Васютка лег усталый,
Только Дуня не легла:
Все, что за вечер узнала,
Пред глазами снова встало —
Сном забыться не могла.
Просто сплетни,
Может, хуже
По селу идут о муже.

И тревожный и сердитый
Голос вдруг услышал он:
— Ты не путайся с Никитой,
Он тебе не компаньон.

Не затем тебя ждала,
Долгих ночек не спала.
От людей не отбивайся! . .

И Козлова злость взяла.

«Удивительное дело,
Как «тихоня» вдруг запела.
Где отваги набралась?
Хоть бы в чем разобралась.
Дома всю войну сидела,
А теперь туда же — власть!»
— Ты кого учить взялась?

Что же это в самом деле —
Я хозяин или нет? —
Даже сын вскочил с постели,
Кот залез под табурет.

Дуню, к счастью иль к несчастью,
Сразу оторопь взяла.
Устоять пред мужней властью —
Где ей, бабе? — не смогла.

Злости нет, и пылу нет:
«И зачем обидела?
Верно, он изъездил свет,
Ну, а я что видела?»
Только боль да бабья жалость
У нее в душе осталась.

Сына к сердцу притянула,
Приласкала, обняла
И с такой тоской вздохнула,
Словно ношу подняла.

— Верно, Коля, я была
Дома.
Верно, Коля!
И теперь, смотри, дела
Не пускают с поля.

Мне награда не нужна,
Только ты послушай:
Загляни хоть раз до дна
И в мою душу.

22

Тишина ты, тишина,
Узенькая улица!
На картошке у гумна
Копошится курица.
А мальчонка и жена
Снова в поле трудятся.

От зари до зорюшки
То в лесу, то в полюшке,
На новинах, на лугу,
На заречном берегу.
А в кладовке у Козлова
Ни забот, ни горюшка.

Принял с пасеки медок,
Записал — не сложно,
И опять хоть весь денек
За порог пускать дымок
Без помехи можно.
Или спать,
Или читать,
Или по лесу гулять
С полдника до ужина...
И, по правде сказать,
Разве не заслужено?

Летают утки над рекой.
А до реки подать рукой.

Взяв уду в руку, котелок
Надев на ремешок,
Пошел Козлов на весь денек
К реке на бережок.

Еще не вышел из села —
И вот они — поля!
Ах, до чего же ты светла,
Родимая земля!

На елке белочка-клубок,
Как огонек, горит.
Взлетают из-под самых ног
Тетерки, глухари.

На полдень глянул с бугорка:
Тиха, неширока,
Под солнцем вспыхнула река
Белее молока.

Потом вблизи, в листве резной,
Под ивой навесной
Она сверкнула вдруг сквозной
Сплошной голубизной.

А подошел — она текла,
Прозрачнее стекла,
Как будто вся — родник живой:
Присядь, рубцы войны омой.

Среди рябин и тополей
Бульбулькинье воды
Напоминает журавлей
Гортанные лады.

А на мели, меж валунов,
И свист, и звон, и гул...
Разулся не спеша Козлов
Да ворот расстегнул,

Надел наживку на крючок,
Воткнул в траву уду
И лег к обрыву на бочок —
Вся рыба на виду.

Затих.
Теперь сиди, кури,
Сиди, не шевелись.
Вот налетели пескари,
Сорожки пронеслись.

Вот появился окуnek,
Схватил крючок взаглот
И под корягу поволок:
Такой не подведет.

В червя вцепившись, мелкий ерш
Застыл.
Чего ж ты ждешь?
Хитришь, как мелкий плут?
Но врешь,
Меня не проведешь.

С оглядкой щука подошла,
Крючок на зуб взяла,
Чуть потянула, повела
И с леской уплыла.

Рыбак достал другой крючок
И вновь улегся на бочок.

Время здесь не быстрое,
Год пройдет — ни выстрела,
Ни начальства, ни тревог,
Сам себе и царь и бог.

Прокричит порой желна
В перелеске хвойном —
И опять спокойно...
Только скоро тишина
Надоела воину.

Как-то раз наедине
Он себе признался:
«Все ж работка не по мне,
Не за то я взялся!»

Все надеялся, придут,
Скажут: «Упущенье!»
И введут в правленье,
Уговаривать начнут
Чуть не всем селеньем.

Приглашений ждет-пождет,
А никто ни слова,
Никуда не позовет
Фомина Козлова.

Про нехватки с ним народ
Не заводит речи,
За советом не идет —
Погордиться нечем.

Как и что ни говори,
А обидно, черт дери!

* * *

«Вот так положение:
С боевого рубежа —
Все равно что в сторожа...
Хуже острого ножа
Это унижение!»

Из дневника А. Фоминой

* * *

Шумит!..
А я-то вижу,
Как он глядит, глядит,
К тому, что было,
Ближе
Податься норовит.

Уже тоска во взгляде,
А что плохого в том,
Что он — кладовщиком?
Ведь можно и на складе
Работать с огоньком.

За что не знает взяться,
А подтолкни слегка —
И станет обижаться:
Мужчина как-никак!

Как будто бы порода
Другая у мужчин,
Как будто это сроду
У них особый чин.

Сказать бы Дуне надо:
Смирна не в меру с ним.
Блюдем бывшие взгляды
Во вред себе самим.

Пускай не так поймется,
Хулить начнут — стерплю,
Козлову руководства
Пока не уступлю!

Никиту Седых унять не смогла,
А люди обижаются.
Ужель он навеки пьяница?
Что делать?
Прогнать его из села —
Руки не поднимаются.

Подумаешь только — и сдавит грудь:
Несчастье-то великое...
Быть может, и Петя мой где-нибудь,
Раненый, горе мыкает...

Если б со мной был маленький,
День заходил бы за день:
То надо шубку, то валенки,
То рубашонку наладить.

Я бы звала его Петенькой,
Ласковым именем мужа.
Сшила сама бы светленький
Костюм, городского не хуже.

Сумела — насочиняла бы
Сказок поинтересней
И на ночь ему напевала бы
Свои колыбельные песни.

Купала бы в речке, холила,
Чтоб не болел ни разу.
С сынком и сама бы вспомнила
Былые свои проказы.

Сама бы ходила наряднее
И песни бы чаще пела.
А он бы рос, ненаглядный мой,
Охочий до всякого дела.

Матери! Нету счастливее
Ваших забот на свете,
Нет и труда красивее!
Там лишь семья, где дети.

Пусть за столом обеденным
Места пустого не будет.
Пусть наши дети наследуют,
Что отстояли люди.

Ученого и солдата —
Всех матери поднимали.
Ведь маленькими когда-то
Были и Ленин и Сталин.

* * *

Что надо сделать нам в селе
Для новой жизни,
Чтоб наступило скорей на земле
Время коммунизма?

Думаю, надо сперва суметь
Всем без исключения
На самих себя посмотреть
С новой точки зрения.

Люди мечтали много лет,
Много столетий,
Чтоб водворились правда и свет
На белом свете.

Пишут теперь:
Никогда, нигде
Еще не бывало таких, как здесь,
Чистых сердец,
Отважных людей.
А это мы и есть!

Самые светлые книги у нас.
Лучшие люди мира за нас.

Мы ныне во всех делах впереди —
Самый великий народ.
И если так на себя поглядим,
Любая работа спорей пойдет.

Перво-наперво мы должны
Добиться такого порядка,
Чтоб никогда ни в чем у страны
Не было недостатка.

Пусть урожаи из года в год
Будут устойчивей и добротней;
Рожь, скажем, двести пудов дает,
Лен-долгунец, скажем, сотню.

Взяться пора за свое село:
Так перестроить его
Постараться,
Чтобы по всем статьям потягаться
С нашим райцентром оно могло.

Многое родиной нам дано,
Старое сгнуло безвозвратно.
Сделаем:
Книги, театр, кино
Будут в колхозе для всех бесплатно.

Вот поправимся и проведем
Такое решение:
Всех стариков, инвалидов возьмем
На полное иждивение.

В вузы отправим ребят: учитесь,
Только не чваньтесь,
Зря не гордитесь
Да возвращайтесь в свои дома,
Не порывайте с колхозом, с областью. . .

Многого я еще и сама
Не представляю полностью.

Счастье великое — наш удел,
Светлой мы служим цели.
Хватит для всех и забот и дел.
Надо, чтоб каждый колхозник сумел
Быть председателем сельхозартели.

Дальше...
И слов не хватает даже.
Дальше товарищ Сталин подскажет.

* * *

Я еще не видала Сталина.
Если б дожить до такого дня!
В Кремль созывать, как раньше, стали бы,
Может, направили б и меня.

Звезды над Красной площадью светятся.
Словно я вижу ее наяву —
Нашу указчицу
И советчицу,
Коммунистическую Москву.

Небо, наверно, высокое, синее,
Даль до границ чиста и светла...
Это Москва ныне мир спасла:
Если б не наша московская линия,
Чем бы сегодня земля была?!

* * *

Как долго я дожидалась
Сегодняшнего звонка!
Как долго я собиралась
Учиться
И... отказалась:
Нельзя! Не могу пока!

Козлова поднять охота,
Чтоб в з а в т р а смог заглянуть.
Дождусь, когда люди с фронта
Вернутся, тогда и в путь.

Пускай еще минет год,
Москва от меня не уйдет.

24

Николаю с женой у загона
Повстречалась в полдень Алена.

«Что-то слишком лицо бледно...
Что-то слишком сухи глаза...»
— Ты бы, Коля, ей хоть одно,
Хоть словечко б какое сказал!

На себя не похожа она... —
Тот спросил Алену:
— Больна?
— Нет!
— Письмо получила?
— Да!
— Не от мужа?
— Нет!
— Так о муже?
Жив?
— Не знаю. Пропал без следа.
Это, может быть, смерти хуже.

И не стон раздался, а крик,
Так, что даже вздрогнул мужик.

Но Алена стоит перед ним —
Губы сжаты,
Ни вздоха, ни стоны...

Это Дуня, а не Алена
Захлебнулась криком глухим.

Это, горем поражена,
Дуня слезы свои сглотнула...

Словно нет ее — Фомина
Головы не повернула.

Николаю в лицо глядит
И не хмурится.
— Загораешь? —
Душу взгляд ее леденит,
А что думает — не узнаешь.

— Кто поверит, что в кладовой
Вся работа — принять да выдать?
Это, Коля, пост боевой,
Надо только работу видеть.

Ты контроль наведи во всем —
Где огрехи, хвосты, потери.
Банк проводит контроль рублем,
А тебе вроде банк доверен.

Надо людям жить помогать,
Направлять, поднимать их выше.
Иль потише работу дать?
Пастухом, может, вздумал стать?
Что молчишь?
Найду и потише...

Фомина разговор вела
Лишь о деле,
Только о деле, —
Видно, боль велика была:
Допустить в тот день не могла,
Чтобы в душу ее смотрели.

Без вести пропал Фомин, и ждать
 Перестали земляки солдата.
 «За ненахождением адресата»
 Письма возвращались.
 Только мать
 Не хотела ничего понять.
 — Почта, надо думать, виновата!

К продавцу ходила, к избачу —
 Не сгибает старую усталость! —
 И к учителю:
 — Черкни хоть малость. —
 Не больная — забрела к врачу:
 — Написать бы так, как я хочу,
 Чтобы к сыну шло, не возвращалось.

В Киев пишет, в Ригу, в Ленинград.
 — Не таков мой сын, чтоб затеряться,
 Жив ли, нет ли, должен отыскаться...
 Но опять:
 «Не найден адресат».
 Доплатными шлет — идут назад.
 Сны недобрые старушке снятся.

Веры нет и снам!
 До темноты
 На работе
 (Неспокойно дома!).
 Съездила к секретарю райкома:
 — Напиши теперь, родимый, ты,
 Уж тебе-то все пути знакомы.

Будьте прокляты, кому война —
 Не война, а прибыльное дело!
 Горе материнское без дна,
 Ненависть сильна,
 Ей нет предела!

Пишет, пишет, пишет письма мать.
Ей ли сына кровного не ждать!

* * *

— Здравствуй, доченька! — и в поклоне
Мать согнулась. —
Мир да любовь!..

На воскресный день к Алене
Приехала свекровь.

— Здравствуй, мама! —
Алена встала,
Провела ее, обняла. —
Долго ж нас ты не навещала.
Я тебя что ни день ждала!

У старушки глаза большие,
Руки в ссадинках, в узелках;
Даже брови, и те седые...
А в глазах надежда и страх:

«Может, что-то невестка знает?..
Может, все-таки Петя жив?..»
Нет, она еще не рыдает,
Только охает да вздыхает,
На коленях руки сложив.

— Из соседнего к нам селенья
Заходил на днях инвалид.
«Что поделаешь, говорит,
Не хочу, говорит, огорченья,
Но скажу про Петра —
Убит!

Враг подвел, говорит, резервы,
Наших выследив за рекой.

Петр в атаку бросился первый.
(Знаешь, Петя у нас какой!)

Кровь с землей, говорит, смешали.
Отступили потом чуть свет.
Тело, видно, не подобрали,
Потому и в убитых нет.

Человек, может, сорок живых...» —
Смолкла старая.
Из-под бровей
За Аленой следит пытливо —
Материнское сердце ревниво:
Что-то скажет невестка ей?

А невестка ясно и прямо
В сердце, в душу ее глядит.
— Все про смерть говорят мне, мама,
Только я не верю,
Упряма,
Верить мне любовь не велит.

Мать как будто стала моложе,
Засияла, сняла платок.
— Я не верю, доченька, тоже,
Он без вести пропасть не может,
Не таков мой Петя сынок!

И до дна распахнулись души.
Стол.
Над ним — голова к голове.
— Ты послушай!..
— А вот послушай!..
Все о Петеньке, о Петруше,
Словно мать не одна,
Их две.

— В поле хлеб загорелся как-то:
Страшно вспомнить: не подойдешь!

Петя вывел всю молодежь.
Лезли прямо в огонь ребята
И спасли,
Отстоял рожь...

— А у нас он людей научил
Делать кринки и кирпичи.
Если б Петя...

— Ну, если бы Петя!
Много ль Петей таких на свете!..

— Если б Петеньке воротиться,
Я бы стала еще учиться.
Мне сказали: как подберешь
Для себя замену...

— И что ж,
Петя, дочка, на все годится,
Лучше смены ты не найдешь!

У меня и Виктор сынок
Председательствует толково.
Воротился с войны и снова
Заступил, погуляв денек.
Мне вот, доченька, невдомек,
Что такое у вас с Козловым?..

Так сидели да вспоминали.
Спохватились — в окне темно.
Помечтали, и повздыхали,
И поплакали заодно.

26

А вот и осенний сев настал.
Погода что надо с неделю кряду.
Васютка Козлов подобрал бригаду
И Сталинградской ее назвал.

С утра снарядили покрепче коней.
Ребятам годков по двенадцать, не боле.
Поручено:
За шесть погожих дней
Заборонить озимое поле.

Слова Фоминой повторялись не раз,
Они были приняты как приказ:

— Забудьте о доме, о сладком сне.
На фронте жилье — блиндажи и землянки.
Считайте, что вы теперь на войне
И это не бороны, а тачанки...

А поле — взглянуть на него и вздохнуть:
Огромное,
Нет ни конца, ни края.
Таким бесконечным казался путь
На запад —
От Волги и до Дуная.

Ночами опушки черным-черны.
Бездонное небо героев пугало.
Порою казалось им, что луны
И звезд над землей вовек не бывало.

Уже не канавы кругом, а рвы,
Не пни, а чудовища...
Что такое?!
От шума листвы,
От крика совы
Бледнели и вздрагивали герои.

Хотелось поспеть до стуж и дождей,
Пока еще ветры не налетели,
И если жалели кого —
Лошадей,
Одних лошадей, не себя жалели.

Узлы на ладонях,
Вихры в пыли.
Заказ фронтовой и жизнь фронтовая.
И все им казалось:
Они прошли
С бойцами от Волги и до Дуная.

27

На селе, когда Алену
В председатели избрали,
Старики недоуменно
Головами покачали.

Ну, а женщины шутили:
Мол, своя рука в правленье,
Значит женской половине
Полагается отныне
В каждом деле послабленье.

Шум отец Алены поднял:
— Посудите сами, люди,
У кого же мы сегодня
В подчиненье полном будем?

Это ж светопреставленье! —
И при всем честном народе
Тут же подал заявленье,
Что от дел мирских уходит.

Лучше, дескать, пчеловодом
Поживу в лесной избушке,
Чтобы дочь перед народом
Не взяла на побегушки.

Говорит, а сам гордится —
Видят все! —
Своей Аленой.

Видят все: отец боится,
Как бы ей не осрамиться —
Бабы все же несмышлены.

Подписали назначенье.
Миновало два-три года,
Стал давать колхозный пчельник
Тысяч тридцать пять дохода.

Стариком колхоз хвалился.
Тот смеялся в разговоре:
Что ж, мол, в дочку уродился,
Не подвел,
Не опозорил.

— Состоять в родстве с такою
Не легко,
Но — честь, не скрою.
Только вот который год
Одинокая живет.

Муж погиб — друзья писали,
Что свидетелями были,
Только глаз не закрывали,
Только не похоронили.

Нет, не верит. Просто мука. —
И старик на том уперся,
Что ему бы — внучку, внука,
Чтобы род не перевелся.

Волновались и другие,
Что вдовой живет Алена:
Как бы сваты городские
Не явились
Из района.

Мало ль всяких есть знакомых,
Увезут еще из дому!

Часто, как бы мимоходом,
Звал отец к себе Алену:
Угощу, мол, дочка, медом,
Мед добер не по сезону.

Посидим,
И путь не долог,
Старика утешь и пчелок!..

* * *

Березняк густой.
Опушка.
Вся в цветах стоит избушка.
Луговина высока,
И на ней
Пасека.

Ульи в два и в три ряда.
Ниже — омуты, вода,
Только вершу окуни —
Караси и окуни.

Много в зелени гнездится
Водоплавающей птицы,
Всех размеров и пород
Дичь на озере живет.

Стихнут шорохи лесные —
Оживают ивняки:
Выплывают расписные
Из укрытий
Выводки.

А в осинниках прибрежных,
На весь свет прославлена,
Жир нагуливает нежный
Прочая фауна.

На двуколке из села
Прибыла к отцу Алена.

Посмотрела вдаль со склона —
Ахнула
И замерла:
— До чего же даль светла!

Называем что-то раем,
Где живем — не понимаем:
Тут счастливей во сто раз.
Плохо там, где нету нас!

В солнце каждая иголка,
Каждый листик и цветок...
— Дочь! Надолго ль?
— Ненадолго,
На часок, не на денек.

Подержались за руки
И пошли сторонкой.
Улыбалась Фомина,
Ей казалось, что она
Снова стала маленькой,
Прежнюю Оленкой.

Вот сорваться и вприпрыжку
С ветерком вперегонки
Мчатся берегом реки
И дразнить, кричать мальчишкам:
— Догоняйте,
му-жи-ки!

Или с прежним увлеченьем
Собирать в лугах щавель...

Обошли колхозный пчельник
И уселись на траве.

— Поддержал, отец, уважил,
Не ударил в грязь лицом!

Весь колхоз,
Старухи даже
Стали звать тебя отцом.

Он сказал:
— Служу народу! —
Рассмеялся, закурил. —
Нынче мне твои бы годы,
Не такое б натворил.

У соснового ствола
Речь негромкая текла.
Словно слушая беседу,
Над отцом вилась пчела.

— Прозябаешь, дочка, зря,
Не пора ль остепениться?
Время заново «жениться»
Да родить богатыря.

И колхозу бы подмога,
Да и я б не горевал.
Оженись, побойся бога!
— Аль приемка подыскал?

— Для тебя хоть отбавляй,
Только ты согласие дай.

— Ну, коли отец за свата, —
Тут судьбы не миновать.
Только ладно ли «женатых»
Снова замуж выдавать?

Не случилось бы заминки!
Не осудит ли народ?
Мужа жду...
— Ты справь поминки,
Сердце-то и отойдет.

Слов последних и пчела,
Видно, не перенесла:
Пыль с сосновой ветки сдула —
Над отцом давно вилась, —
Присмотрелась,
Развернулась
И в лицо ему впилась.

Дед опешил,
Деду лихо,
Дочь — за старое опять:
— Сватье бабе Бабарихе
Довелось ответ держать!

Но отец не растерялся,
Видит, замысел сорвался,
Срочно курс решил менять:
— Верно, дочка, надо ждать!
Я готов осаду снять,
Не на ту, видать, нарвался.

Ветерок у самых ног
Сена клок
Проволок,
Поиграл, как со струной,
С кожурой берестяной.

На осино́вый сучок
Забрался бурундучок,
На Алену посмотрел,
Словно что сказать хотел.

И ее как осенило:
«Вот Козлову уголок!
Впрямь — хотя б на малый срок.
И спокойно, и по силам.
Здесь бы он подумать мог...»

Не о нем одном печется,
Но не польза и ему,
Если снова не привьется
К делу, к месту своему.

Дочь спросила старика:
— Может, дать, отец, дружка?
Добывали б мед на пару,
Спали б в зелени густой.
Человек он не простой,
Но хороший парень.

— Так! .. — сказал отец сурово. —
Понимаю все как есть.
Легкой жизни для Козлова
Ищешь?
Нету легкой здесь!

Загляни в мою контору —
Сколько там ученых книг,
Посмотри, какую гору
Их осилил твой старик!

Обижаешь:
Пчеловодство —
Не забава для ребят,
Не курорт
(Отсталый взгляд!),
Пчелы тоже руководства
Настоящего хотят.

28

Лось зашел с коровами в село,
Сразу стало маленьким село...

С выгона к тесовому закуту
Он шагал по улице прямой

Медленно
И так легко, как будто
Не касался неба головой.

Не было в деревне никого.
Николай Козлов, цыгарку бросив,
С палкой кинулся бежать за лосем,
Словно взять живым хотел его.

Много зверя всякого в войну
Северные дебри приютили.
Днем медведи к избам подходили,
Волки нарушали тишину.

Услыхав людской истошный крик,
Полоснул сохач рогами небо
И исчез, как появился, вмиг:
Был он или не был?

Может, метров десяти
Добежать Козлов не смог,
Опустился на песок:
Как бы дух перевести!

И, откуда ни возьмись,
Фомина к нему подсела:
— Покажи, поймал, кажись,
Молодец, хвалю за смелость!

Он обрадовался ей,
Потерял совсем дыханье,
Словно вспомнилось свиданье
Из совсем далеких дней.

Словно не было обид,
Руку сжал ей.
— Ну и вечер!
Ну и случай! — говорит.
И обнял ее за плечи.

— Нет другой такой земли,
Где б в деревню лоси шли! —
Та его не отстранила,
Только чуть глаза скосила:
— Уж и ты не сватать ли?

— Ну, куда там! — и Козлов
Отвернулся от Алены. —
От ответственных трудов
Мне ни сна, ни угомону.

Загрузила, спасу нет... —
Фомина ему в ответ:
— Не твоя ль была охота?
Выбирал — куда смотрел?
Вот горенья нету что-то...
— В сторожах, да чтоб горел? —
Это все же не работа!

— Стало быть, затосковал
О большой работе? Дело!
— Да, по правде, ждать устал,
Чтобы кто работу дал.
— Я того лишь и хотела.

Надо б с этого начать! —
И она ему призналась,
Что на пасеку сослать
Собиралась. —
Ошибалась!

Ну, давай поговорим:
Что желаешь взять на выбор,
По порядку — либо, либо... —
Но Козлов —
Да что же с ним? —
Как и прежде, ей:
— Спасибо!

Мне еще лечиться след
Грязями, электросветом.
Тут, насколько знаю, нет
Процедурных кабинетов.

— Будем, Коля, все иметь.
— Вот как!.. Что-то я не вижу.
— Ты к народу стань поближе,
Видеть надобно уметь.

Будет, Коля, свой курорт!
Помнишь, Хвойные Деляны?
Бор сосновый,
Пляж песчаный,
Речка...
Место — первый сорт.

Скажем, кончили страду,
Первым делом — в санаторий,
Тут тебе и мед, и море,
Виноград в своем саду.

Нету солнца в декабре —
Кварц прими,
Лечись рентгеном.
Ванна, душ — попеременно,
Все, как в «Красном октябре».

— Про «Октябрь» и я не раз
Слышал. Сел таких не много.
Это вроде напоказ...
— Напоказ? Побойся бога!
Будет скоро и у нас, —
Ведь одна у всех дорога.

Только верь — и доживешь,
Да работы не гнушайся.
Все осилим!
Ну, решайся:
На какой объект пойдешь?

— На объект? Ты все о том.
Лучше я пойду в райком,
Пусть в другой колхоз направят.
С делом кто, как я, знаком?
— Назначать райком не в праве.
— Значит, хочешь жить заставить
Под своим под сапогом?

Спорь с ним хоть до хрипоты...
— Коля, Коля!
Был бы ты
В партии — любые дали
Сразу б с этой высоты
Для тебя яснее стали.

Фомина вздохнула, встала,
Повернулась и ушла —
Как была и не была.
А уже и ночь настала.

А Козлов с земли не встал.
Стало вдруг обидно, жалко,
Что уже отвоевал...
На ладони поплевал —
И сломал
Палку.

«В какой стране теперь бои?
Куда писать друзьям?
А не распить ли мне свои
Законные сто грамм?»

Костыли скрипят не в ногу.
Эх, и выпили!
Из телеги на дорогу
Вместе выпали.

Пьяным море по колено.
Что вселенная?
Только свита у военных
Не военная.

Семенит с Никитой в паре,
Мельтешит у ног
То ли баба,
То ли парень —
Сразу невдомек.

Есть такие и доселе
В селах там и тут —
Бобылями, не в артелях,
Не с людьми живут.

Мы поля преображали,
Расчищали лес,
А они себе искали
Потеплее мест.

Молчаливы, плутоваты,
Что ни парень — жох.
Этот желтый, угреватый
Из таких пройдох.

Не урод и не калека,
Но в войну прослыл
За больного человека,
Лез подальше в тыл.

Как-то песню про безногих
Спел он для Седых:
Мол, особые дороги
На земле у них.

Он для скупок и для сбыта
Щели находил,
На толчок с собой Никиту
В город вводил.

А теперь вокруг Козлова
Начинал кружить:
Завести б дружка такого —
Кладовщик ведь! —
Вот толково
Можно было б жить.

Пили с вечера
И до вечера:
Своего изделия зелье —
Жалеть нечего.

Пили в бане и в избе,
У Никиты в погребке.
Днем Козлов, оставшись дома,
Пригласил гостей к себе.

Заскрипели половицы.
Распахнули настежь дверь.
Парню молча не сидится:
— Кабы нам по заграницам
Погулять, друзья, теперь!

Вот где жизнь,
Эх, и жизнь!
На любом углу — кабак...

А потом передрались.
Дело было так:

На солдатскую гулянку
Принесли гармонь-тальянку,
В зеркалах — живой огонь.
Желтомордый в пляс пустился,
К потолку подняв ладонь.

Председательшу свою
Из-за речки узнаю.
Юбка шибко длинная,
Походка журавлиная.

Николай, Николай,
Бабам воли не давай,
Бабы волю заберут,
Николая засмеют!

Он плясал и припевал,
За живое задевал.
Николай стакан поставил
И прислушиваться стал.

Кабы не было морозов,
Не пришлось бы зимовать.
Кабы не было колхозов,
Не пришлось бы воевать.

Не неметчина страшна,
Не чужая сторона...

Николай привстал со стула:
— Что ты мелешь, сатана?

Много пито — все забыто?
А за что ж я воевал?
А за что Седых Никита
Свою ногу потерял?

Но плясун уже не слушал,
Хмель запел — не одолеть.
У Козлова стали уши
Багроветь.

«Как же это:
О своем —
И такое слово?
То мы головы кладем,
То, махнув на все, поем
С языка чужого.

О своем, о дорогом...
Иль мы все забыли?

Иль не справились с врагом,
Может, не побили?

И в своем ли я дому?
Что мы тут справляем?
Люди в поле,
Почему
Мы одни гуляем? ...»

Громыхнув тяжелым стулом,
Николай вскочил рывком
И давай по желтым скулам
Бить наотмашь кулаком.

— Что ты мелешь, сатана!
Не война тебе страшна? .. —
Жалко, нету старой силы,
Раздавил бы плясуна!

— Чью ты жизнь хаешь?
С кем сидишь — знаешь?
Русский ты иль иностранец?
Что ты понимаешь?

И опять — с размаху,
Аж порвал рубаху,
Кулаком, что колом. . .

Всполошились за столом.

Прибежал на шум народ:
Из конторы счетовод,
Стайкой девочки слетелись
Под рябиной у ворот.

Жницы с поля идут.
— Что за гам?
Самосуд? .. —
Счетовод им разъясняет:
— Там солдаты бой ведут!

Парень скрылся.
И в артели
Водворилась тишина.
Отдышавшись еле-еле
(Грудь, плечо, рука болели),
Сел Козлов у окна.

Поглядел на мокрый стол,
По лицу рукой провел
И сказал, как пробуждаясь:
— До чего же я дошел?..

Словно голову угаром
Обнесло — попал в беду,
Лишь не езжу по базарам
Да торговли не веду...

С кем гулял?
Кого пригрел?
Да куда же я смотрел!..

Боевой солдатский орден
На груди его краснел.

39

Поздним вечером с гумна
Воротилась жена.
Бабьих слез,
Плаксивых слов
По привычке ждал Козлов.

Дуня избу подмела,
Ужин мужу подала
Да спросила:
— Как дела?
Жив? —
И все,
И спать легла.

Хоть бы выругала, что ли,
Дверью хлопнула хоть раз!
Он скривился, как от боли,
На еду не поднял глаз.

Сын пришел — уже темно.
Не спеша закрыл окно,
Свет зажег
И съел, что было
Для отца поставлено.

От него ни слез, ни слов
Никаких не ждал Козлов,
Но малец набрался сил
И, краснея, забасил:

— Тятя, ты имей в виду,
Все с Никитой не в ладу,
А мы с мамой у артели
Не последние в ряду.

По селу молва идет...
Тятя, так тебя народ
В председатели колхоза
Никогда не изберет.

Ты бы маму не срамил
И меня не подводил!.. —
А мальчишеский румянец
И при лампе виден был.

Трудно было удержаться, —
И Козлов сына обнял.
Вот и думай — парень мал!
Обижаться иль смеяться
Над Васюткой — сам не знал.

А потом Козлов сказал:

— Ладно, я не подведу.
Только ты имей в виду:
Дом покину, а не буду
У тебя на поводу.
Признавать отца не станешь --
Я в другой колхоз уйду.

А с Аленой было хуже —
Ворвалась, а не вошла,
Ничего не поняла
И кричала, как на мужа,
Чуть за горло не брала:

— Ты мне воду не мути
И народ не баламуть!
Хочешь из дому уйти?
Уходи, счастливый путь!

Свой колхоз тебе пустяк?
Скатертью дорога!
А у нас тут и без драк
Дела много.

81

И Яков Розанов пришел.
Он весь в пыли мучной.
Уселся не спеша за стол,
О том, о сем беседу вел,
О службе фронтовой,

О дружбе, что была крепка,
Закалена огнем.
Вел разговор издалика
О боевых путях полка
И о себе самом.

Все будто о себе самом...
Взгрустнулось, может быть,
А в этом случае вдвоем
Приятно покурить,

Поговорить,
Подумать вслух...
Козлов сидел, молчал.
И Розанов один за двух
О жизни размышлял.

Война! — и вспомнишь стон и кровь.
Огонь — весь мир в огне,
И трупами забитый ров...
Ужель хоть раз хороших слов
Не скажешь о войне?

В землянках жили мы не год.
Землянка — не изба:
Песчаный пол,
Не дверь, а «ход»,
Не печь — «временка»,
Кольца вьет
Горыныч-змей — труба.

Пусть не изба — низка, темна! —
А все бойцу порой
Казалась горенкой она,
Когда из вылазки ночной
Один, усталый допьяна,
Он приходил «домой».

Был чайник со свистком в рожке —
Свистел, как закипит.
Бойцы, заботясь о дружке,
Чаяк поставят в котелке:
Пускай дружок поспит.

Не клали в печь еловых дров —
Трещат, покою нет.
Проснется — спросят:
«Жив-здоров?»
Уже обед ему готов,
Махрой набит кисет.

Нет, с золотым шитьем погон
Дружок не нашивал,
Шинели офицерской он
Еще не нашивал —

Что из того?
Всему свой срок.
От мыла до вина,
От полотенца до сапог
Все шло ему сполна.

От генерала спуску нет
Начальству за бойца.
Что ест?
Тепло ль обут, одет?..
Доставь бумагу, дай конверт
Ему для письмеца.

Его защитником зовут,
Везде солдату дом,
Все трубы для него поют,
И песни все о нем.

Ему поклоны всей страны —
Награды из наград...
Выходит, нет ему цены,
Хоть он простой солдат.

А положили в лазарет —
С ним нянчилась сестра.
Опять:
Как ел?

Тепло ль одет?..
Не спишь — приставит табурет,
Читает до утра.

Напится даст,
Умыться даст
И ногти острижет.
И врач с него не сводит глаз —
От смерти бережет.

Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Попрежнему своя семья,
Свой дом — как вся земля.

Но думалось по простоте:
Когда война пройдет —
Заботы будут, но не те,
Весь ход работ не тот.

Он видел сотни городов,
А сел и не считал.
И верил, что на сто голов
Соседей выше стал.

В селе всех женщин, мужиков
Он знал наперечет,
А там десятки языков,
Со всей страны народ,

Со всей земли...
И вот теперь
Вернулся, и ему
Вдруг показалась узкой дверь
В своем родном дому...

Уже совсем темно в избе.
Козлов молчал, курил.
Как будто об одном себе
Товарищ говорил.

Лишь о себе самом... Ни в чем
Дружка не упрекал...
А Николай лишь о своем
Весь вечер размышлял.

Не стала меньше на войне
Любовь к родимой стороне,
Не уже дверь в родном дому...
Что ж не понравилось ему?

Во всем всегда других виним.
А разве Фомина
Не дорожит им?
Разве с ним
Не нянчится она?

«И ведь, по совести сказать,
Коль жизнь не торопить,
Стране всех сил не отдавать,
За что же было воевать?
Зачем тогда и жить?»

32

На денек — до городка —
Без худого слова
Племенного рысака
Дали для Козлова.

Конюх Петр Сергеич сам
Ехать снарядился,
Утром битых два часа
Чистился и брился.

Что он был за человек,
Знали больше кони.
В одиночку едет — ввек
Лошади не тронет.

Волоками день и два,
Если нет народу,
Он трусит едва-едва,
Через пень-колоду.

Ну, рысцой, куда ни шло,
Только чтобы ехать.
Но покажется село —
И пойдет потеха.

Сразу вожжи подберет
Да как крикнет:
— Трогай! —
И полется, поплывет
Пыльная дорога.

Куры кинутся к плетням:
— Кто-кто-кто так скачет? ---
И несется по пятам
Лай густой собачий.

А случится пассажир,
Нужный для артели,
Ну, тогда, конек, служи,
Чтоб гужи гудели.

Втихомолку горячит,
Незаметно хлещет,
Сам на все село кричит:
— Тише, сумасшедший!

Петр Сергеич знал пути
К сердцу человека:
Накорми да прокати —
Так велось от века.

А Козлов, того гляди,
Еще нужен будет...
Ну лети, рысак, лети,
Чтоб дивились люди!

Чтоб и вправду из ушей
Пламя повалило...
Николаю по душе
Уважение было.

Все, чем жил, припоминать
По дороге начал.
А порой себя понять —
Трудная задача.

И росла, росла в груди
На себя досада:
Как на дело ни гляди,
Жил не так, как надо.

Возвратившись в край родной,
С первой же беседы
Боком, если не спиной,
Стал к своим соседям.

Он дивился: Фомина
Даже провожала,
Стало быть, ему она
Худа не желала.

Поручение дала,
Да и не простое:
Ящик-два добыть стекла
Для колхозных строек.

Было много у ворот
И другого люда:
Стало быть, и весь народ
Не желает худа.

У него охоты нет
Дом родной покинуть.
Но, сказать по правде, свет
Не сошелся клином!

У себя не привился.
Что ж, колхозов много.
Весь район и область вся,
Как одна дорога.

Надо все же побывать
В городе, в райкоме,
Начистую рассказать
О себе, о доме.

Там укажут все пути,
Там поймут с полслова...
Ну, лети, рысак, лети,
Успокой Козлова!

* * *

Деревянный городок
Над озерной бездной,
Сто проселочных дорог —
Ни одной железной.

Но за речкой, за бугром —
Городской аэродром,
И воздушный транспорт
Сократил пространства.

Да гудят авторожки,
Резкие, густые:
Носятся грузовики,
Есть и легковые.

Хлынет праздничный поток
Из колхозов в городок --
Не хватает площадей
Для машин и лошадей.

Мастерские эмтеэс,
Склады скобяные,

Телеграф и пенькотрест,
Маслопром...
Для здешних мест
Это — индустрия!

Да растут из года в год
Льнозавод,
Лесозавод.
В водополье пароход
К городку с баржой идет.

Лампочками Ильича
Молодежь гордится.
В летнем парке по ночам —
Что тебе столица,
Хоть попржнему леса
Подпирают небеса.

Петр Сергеич в козлы врос,
Вожжи сами взмыли —
И понес рысак, понес
За автомобилем.

33

«А за войну наш город повзрослел,
Заметно больше стало оживленье...»
Козлов ходил сперва по учреждениям:
Во что бы то ни стало он хотел
Аленино исполнить порученье.

Неторопливо меж столов шагал.
Как на героя, на него смотрели,
Но разговор о деле начинал —
Не спрашивали, где он воевал,
А знать хотели:
Из какой артели.

В конторах лица оживали вдруг:
— Колхоз заметный,

Даже знаменитый,
Алену слышно на сто верст вокруг! —
Вот и пойми тут, ради чьих заслуг
Все двери были перед ним открыты!

Не сразу, все же на стекло наряд
Для Фоминой Алены подписали.
Козлов отправил конюха на склад.
Что дальше?
Оперся на палисад
И думал: «Не вернуться ли назад? ..»
Машины проходили.
Кони ржали.

У леспромхоза, словно у кино,
Толпятся люди, —
Много шуток, смеха;
Идут рабочие, везут зерно;
Кому-то почту сунули в окно...
Все, все спешат!
Зачем же он приехал?

Пошел в райком.
Там скажут, что к чему.
Но там стояла тишина немая:
Двенадцать комнат в каменном доме —
И никого.
Дежурная ему
Растолковала: мол, пора страдная...

Козлов задумался:
«И здесь страда,
Деревне помогают города».

Два дня он ждал, горел, как на огне.
А секретарь сновал по сельсоветам,
То на машине жил, то на коне,
То в заозерной ездил стороне,
То в заовражье,
То в заречье где-то.

Вернулся —
Сразу зашумел райком,
Опять стоят подводы у райкома,
И Николай подумал так о нем:
«Да, каждый дорог на посту своем,
А без хозяина и дом не дом.
Что ж я-то делаю — бегу из дома?»

В половиках крестьянских кабинет,
На стенах карты,
На столе колосья.
Железный шкаф, семь стульев, табурет,
И сноп в углу, как на дожинках «гостья».
Здесь «да» — есть «да».
А «нет» — убейся — «нет»!

Козлова встретил, встав из-за стола,
Сам секретарь, — он был во всем зеленом, —
«Сам Михалев», как Фомина звала.
— Садитесь! Из какого вы села?
Ах, вы — Козлов? От Фоминой Алены?

Ну, как там жизнь на ваш на свежий взгляд?
Довольны ль женским руководством люди?..
Войну и здесь ведете, говорят?
Мы знаем парня этого, солдат,
С ним разговор особый скоро будет.
Он и Седых Никиту с толку сбил... —
И Михалев, нахмурясь, закурил.

Он как-то сразу так заговорил
Тепло и просто
И как равный с равным:
Как жизнь идет? Где он сегодня был? —
Что Николай Козлов совсем забыл,
Зачем пришел,
О чем шумел недавно.

Хозяин, видно, втайне тосковал,
Что раньше времени отвоевал
И не в боях теперь седеет волос.
Спросил Козлова, где он наступал,
А сам в ладонях колос растирал...
Сидели, говорили вполуголос

О минах, об «эресах»¹, их огне,
О танковых боях и переходах.
— Район стал хлеба поставлять вдвойне!..
— Не помешала жатве и погода!..

Как близкие, сидели.
Ничего
Хозяин словно б не сказал такого —
Выслушивал, разглядывал его, —
А отлегло от сердца у Козлова.

Он словно жизнь яснее видеть стал
И больше сил почуял за плечами,
В своих глазах заметно вырастал,
И мелочи вновь стали мелочами.

— Так, говоришь, на месте Фомина? —
Козлов ответил:
— Говорю по чести,
Для должности такой и создана,
До склона лет ей быть на этом месте.

Тут Михалев не согласился с ним:
— Мы об Алене думаем иначе,
И если ей условия создадим,
С любой может справиться задачей.

Слыхал, что делает?
Еще война,
Едва войти в Германию успели,

---

¹ «Эр е с ы» — реактивные снаряды.

Мы намекнули только — и она
Уже взялась, корпит, не зная сна,
Над пятилетним планом для артели.

Ты кем работаешь теперь?

— Да так...

Зав продуктовой кладовой куда...

— И только-то? Не по тебе, земляк.

Хвалить за это Фомину не будем.

Не по-хозяйски... Это не пустяк...

Таких, как ты, нельзя держать под спудом.

Иль, может, выбрал сам? —

Козлов сейчас

Секретарю не захотел признаться,

А у того вдруг начали смеяться,

Растягиваться лучики у глаз.

— Ну, говори, что для конца припас.

Наверно, в город хочешь перебраться?

И уж улыбка по всему лицу,

Как будто зайчик солнечный, играла.

Тогда-то и представилось бойцу,

Что здесь он — как бы в штабе генерала;

Тут не простой район — укрепрайон,

Вокруг пехота, а не «населенье»,

Что, в лазарете подлечившись, он

Пришел сюда за новым назначеньем,

Быть может, в новый сводный батальон.

— В другой колхоз пошлете?

— Не пошлем!

Да разве там особые законы?

Теперь везде, брат, есть свои Алены.

Желаешь, перечислю поименно?

А ты стоял бы лучше на своем.

Уж больно скоро начал отступать,
Нехорошо!

Не по-солдатски вроде.
Нет, ты борись и первым стань опять.
Учись, читай и — как тебе сказать? —
Не о себе заботься. — о народе.

За все берись, чтоб в колос труд пошел.
Работа никакая не зазорна,
Все — для отчизны,
Все — в один котел,
К большому хлебу колоски да зерна.

Учиться скоро Фомину пошлем.
Там поглядим. . . Ты заходи в райком.
Так возражаешь или нет? . .
Ну, рад!
Да и нельзя иначе: ты — солдат.

Иль уговаривать еще?
— Да нет, —
Сказал Козлов, — деревня-то родная. . .
— Так, брат! Село теперь — передовая
На нашем фронте,
И на много лет.

Там надо быть!
А раз пришел в райком,
Давай столкнемся еще о том, —
Мы здесь с тобою, как в армейской части, —
Не забывай отныне об одном:
В бою, в колхозе, в городе ль каком
Ты, с орденом, — актив советской власти.

34

За стеклами за синими
Дорога в лунном инее.
Уже и полночь близко.
— Освободите линию! —
Кричит телефонистка.

— Освободите линию! —
А голос всем знакомый.
И в Липове, в Осинове,
В Скоцкове и в Малинове
Освобождают линию
Секретарю райкома.

— Алена Николаевна?
Да! Был твой подопечный,
Сидели целый вечер...
О смене там хозяина
Не может быть и речи.

Но ты перехватила.
Сплеча, видать, рубила?
Конечно, самолюбия
Его не пощадила.

Мое все то же мнѣние:
Ввести его в правление
И посмотреть, что будет.
А там народ рассудит.

Нет, зря солдат не плачется.
Такой еще прославится.
Инспектором по качеству
Поставь:
Захочет — справится.

— Да я б его назначила —
Бери любое дело!
Но сладить не сумела.
А так с любой задачей он
Справляться может смело.
Он человек толковый...

Гудит полночный провод.
Гудит,
И как-то вышло —
Вздохнула вдруг Алена,

Да так, что было слышно
Во всех концах района.

Вздохнула — и ни слова.
И этот вздох отчаянный
Встревожил Михалева.
— О чем ты, Николаевна?

О чем?..
Народ воротится,
Тогда расправим плечи.
В селе своя сколотится
Партгруппа — будет легче.

О чем?
И муж объявится,
Придет живым-здоровым.
Все будет, как желается,
Попомни мое слово.

Что случилось с Фоминою,
Она сама не знала.
К стене припав спиною,
Сильнее трубку сжала.
— О чем вы? — закричала. —

На что вы намекаете?
Иль что-то, верно, знаете?
О чем вы говорите?
Скажите, не томите!

Но Михалев Алене
Ни слова в добавление.
И снова в телефоне
Далекое гуденье.

Алена без движения
Сидела да гадала:
«Быть может, в утешение,

Без всякого значения,
Слова свои сказал он?

Иль это что-то значит?..»
Потом рывком вскочила.
«А говорят — не плачу...» —
И слезы осушила.

35

Дождь зарядил. Погода холодна.
Но не стихает на селе работа:
Народ пошел на теребление льна,
Под крышею запольного гумна
Усилилась горячка обмолота.

Давно на пожнях ни цветов, ни пчел...
В дороге дождь не пощадил Козлова.
Когда он на дом к Фоминой пришел,
Вода с него лилась, как с водяного.

В избе на стенке желтый телефон,
Точь-в-точь скворечник, если снимешь трубку.
На председательше заметил он
Короткую с застежкой-змейкой юбку.

— Колхоз-то наш, — сказал он, — на виду,
Известен всем, не одному райкому.
Ну вот, Алена, был я в городе —
И никуда из дому не пойду. .
Все ж кладовую передай другому.

— Головойку, что ли, получил?
Я за тебя, брат, тоже получила.
— Да получил иль нет, в райкоме был.
Сходить туда давно бы надо было.

А знаешь, что мне Михалев сказал? —
И Николай с хитринкой улыбнулся. —

Чтоб я, солдат, перед тобой тянулся:
Мол, Фомина — такой же генерал.

Но только бесхозяйственно, как хошь,
Таких людей, как я, держать под спудом.
— Инспектором по качеству пойдешь? —
Его спросила Фомина.
— А что ж?
Пост боевой. Ругаться только будем.

— Да мы и так... — сказала Фомина.
Высокая и крепкая, она
Сняла косынку,
И коса слетела,
Рассыпалась вокруг плеч, расплетена. —
У нас порода, Коленька, одна.
Я знала, сам не сможешь жить без дела.

Да и нельзя:
Мы нынче на виду.
С народом, Коля, надо жить в ладу.

И баб напрасно начал поносить:
Я, к слову, с год на курсах отсидела.
— Да, в платьях стала городских ходить...
— Сам понимаешь, что не в платьях дело.

Козлов, окно загородив спиной,
Сел у стола и слушал:
Над деревней
Дождь бушевал надсадный, проливной.
А в сердце тихо, —
Голос Фоминой
Звучал все горячей, все задушевней

О близких, о знакомых на войне:
Кто на побывку приезжал, кто не был,
Кто жив, кто нет,

И, как о старине, —
О самом светлом предвоенном дне,
И, наконец, о молотье, о хлебе.

— Как быть с Никитою Седых? Давай
Решим, загинет человек напрасно... —
Козлов сказал:

— Ты мне его отдай,
Я по-солдатски с ним...
— Ну, что ж, согласна!

— Придется, видно, снова воевать.
Вот желтомордого убрать подале,
Тогда Седых сумею обломать.
В том Михалев мне будет помогать, —
С ним города недаром вместе брали.

А там до руководства доберусь.
Не уступлю! Не на того напали!
У бабы вот немного подучусь...
— Согласна! —
И они захохотали.

36

Без просыпу льют дожди —
Злые, окаянные,
Хоть из дому не ходи,
Прямо наказание.

Но победные идут
С фронта сообщения.
И с утра их люди ждут,
Стоя у правления.

Комсомольское ведет
Лыкова собрание.
Чуть не весь сидит народ,
Затаив дыхание.

Что им нового сказать?
И она решается
Письма милого читать —
То, что всех касается.

Сообщает в письмах он,
Что сбылось желание.
«Передай друзьям поклон,
Мы уже в Германии!»

А про стужу ни слова,
Словно там и нет ее.
Иль настало для бойца
Снова время летнее?

Пишет только:
«Жив-здоров,
И уже в Германии.
У немецких городов
Трудные названия.

Где-то брат больной лежит —
В Луге парня ранили.
Если дома, доложи:
Мы уже в Германии!

Тяжело, но пусть сосед
Знает: сына больше нет.
Выполнив задание,
Он погиб в расцвете лет,
Но вошел в Германию.

Коль в селе сироты есть,
В целях воспитания
Растолкуй им эту весть:
Мы уже в Германии!

Мы уже в Германии,
И пишу заранее:

Нынче можешь, дорогая,
Думать о свидании...»

А народ глядит в окно:
Словно нет дождя давно,
Вся земля в сиянии,
Словно с ними заодно
Вся земля твердит одно:
— Мы уже в Германии!

37

Колхозная контора
Просторна и светла.
Чернильные узоры
По всем краям стола.

В витринах все как было,
Но вдоль одной стены
Алена разместила
Рядком героев тыла
С героями войны.

Под фото строчки яркие:
Кому за что почет.
Тут конюх и доярки,
Кузнец и счетовод.

О Лыковой Марии
Газетная статья.
В овалах — звеньевые,
Васютка и другие.
Все люди не чужие —
Своя семья.

Один вопрос в повестке,
Зато какой вопрос!

И не хватало места —
Сходился весь колхоз.

Дымились папироски,
Шипели самокрутки.
Торжественно подростки
Толпились вокруг Васютки.

А он, пригнувшись ниже,
Все лез и лез в дыму,
Насколько можно ближе,
К портрету своему.

Пока не начат сход,
Откинув в угол счеты,
Свои с Козловым счеты
Сводил счетовод.

— На фронте жизнь тяжелая, —
Он говорил, — бои!
Вы в битвах клали головы.
Но вы-то сами — чьи?

Фашисты обездолили
И мой семейный кров.
Вы крови много пролили,
Так это ж наша кровь!

За труд крестьянский родина
Сторицею воздаст.
Пусть кто еще без ордена —
Так не дошел указ.

А страхи там... пожарища...
Всего не знали тут,
Но...
— Тише вы, товарищи!
Сейчас начнут.

Все селенье было в сборе.
Секретарь райкома сам
Обещал приехать вскоре —
Ожидали по часам.

Место каждому по чину
За столом отведено.
Михалеву в середину
Было сесть предлóжено.

Он, раскланявшись со всеми,
Сел в сторонке,
Не за стол.
— Начинать бы надо — время! —
По рядам шумок прошел.

У Алены все готово:
Избу взглядом обвела,
Просмотрела папки снова,
Все «таблицы» и «дела».
— Председатель, ваше слово! —
И Алена начала.

— Мы составили правленьем
План на пять годов вперед.
На твое теперь, народ,
Предлагаем усмотренье.

Первый пункт ее доклада —
Хлеб.
— ...Поля теснит тайга.
Площадь их расширить надо
За пять лет на тридцать га.

Мы должны заполнить хлебом
Элеваторы страны.

Манны ждать не будем с неба,
Раскорчем новины.

Раскорчем, унавозим...
Пункт второй — рабочий скот.
От кого скрывать: в колхозе
Лошадей недостает...

Молоко и масло — третий.
...Широко шумит молва:
Лучше нет на целом свете
Масла вологодского.

Мы не делаем погоду,
Но и мы за пять годов
Раздоим своих коров;
Холмогорскую породу
Доведем до ста голов.

Пункт четвертый — парк машинный... —
И пошла, пошла, пошла... —
Деготь — промысел старинный,
Кружева, горшки, корзины, —
Что за дом без ремесла!..
...Нынче есть гидротурбины
Специально для села.

Победителям без света,
Прямо скажем, ходу нет.
Поднажмем — так за два лета
Ток дадим —
И будет свет!

Пункт еще немаловажный —
О культуре.
Прямо стыд:
Все еще в избе не в каждой
Репродуктор говорит.

Узел есть, а мало точек, —
Виновата молодежь.
Передачи дни и ночи
Из Москвы —
И, между прочим,
Пропадают ни за грош...

Николай сидел в углу
За холодной печуркой,
Жег махорку —
И окурки
Клал к порогу под метлу.

Скуки ждал.
А целый час
Затаив дыхание слушал:
Цифры радовали душу,
Принимались как приказ.

Все понятно — что к чему,
И светлей на сердце стало:
Вот чего недоставало
В эти месяцы ему!

Вот за что велась война,
Вот чего желают люди!
В плане все дано сполна,
А записано — так будет.

Сев, уборка,
Снова сев...
Нет, ты людям ставь задачи,
Чтобы больше, больше значил
Каждый будний день для всех!

— Кто желает слово взять? —
Счетовод привстал.
— Желая! —

Кто-то охнул:
— Дед опять!
Молодым бы дал сказать!
— Чтобы я да стал молчать?
Нет, скажу что знаю.

Да и мне не двести лет,
Отчитаю любо-мило.
План, по-моему, по силам,
По душе!
— Устанешь, дед!

— Может статься, и устану,
Но ведь ног не волочу,
Хоть и стар.
Коли по плану
Я еще работать стану,
Умирать не захочу.

Я по плану жить привык,
Без него нельзя подняться... —
Тут и Розанов сдержаться
Не сумел:
— Ты прав, старик!

Точно так же и в бою:
Дайте только направление,
Чтоб любое отделение
Знало линию свою,
А уж мы не подведем.

— Молодец, сынок!
Дойдем!

Не садится счетовод.
— Я еще сказать желаю
Про свою про власть — что знаю:
Как она ведет народ.

Верит в наши силы власть.
Ведь кругом работы — страсть.
И какая все работа!
Сам учись,
Других учи...
Старику подчас охота
Поваляться на печи.

Ну, а власть возьмет и скажет:
«Ты устал,
Но видишь вот...» —
И такую даль покажет,
Что аж сердце запоеет!

Тут Козлов сказал Алене:
— Надо так вести дела,
Чтобы не было в районе
Лучше нашего села.

Михалев ему заметил:
— Так должно вести дела,
Чтобы вашего села
Лучше не было на свете;

Чтоб счастливей и красивей
Было с каждым днем оно!
Все для этого дано:
Что другим народам в диво,
То у нас заведено.

Говорили — кто о чем,
У кого что наболело.
Надо брать большое дело
По-артельному — плечом.

Кузнецу подай гвоздей,
О другом и речи нету.
— К лету ставьте также в смету
Перековку лошадей.

Комсомольцы всех подряд
Звали на соревнованье.
— Только б с вечера заданье
Доводили до бригад.

Маня Лыкова рывком
От девчат к столу шагнула
И косынкой, как флажком,
Чтобы шум утих, взмахнула.

— Хлеба будет через край.
Но сказать пора настала:
Одного богатства мало,
Книгу нам теперь подай.

Сын Козлова тоже встал,
Комсомольцев поддержал:

— О подростках книг нехватка,
Показать бы нас должны.
Не пора ль призвать к порядку
И писателей страны?

Фомина Алена снова
Поднялась, —
Затих народ.
Заключительное слово —
Взгляд на много лет вперед.

Будто стены у избы,
У колхозного правленья,
Распахнулись на мгновенье,
И под небом голубым

Вот она — Россия вся,
Север, юг, восток — смотрите!
И везде советский житель,
Храбрый воин, победитель
За работу принялся.

Средь многих писем из сельсовета
 Одно Фомина со страхом взяла.
 Обычно расклеивала конверты,
 А этот
 Разорвала.
 Прочла, огляделась, перечитала,
 К окну подошла,
 Еще раз прочла.

«Живой!..»

А ведь ждать почти перестала.

«Живой!..»

Нет, до самой смерти б ждала!

Хотела звонить Михалеву: «Едет!»
 Хотела сейчас же созвать соседей...
 Сдержалась.
 Но дверь распахнулась сама,
 Какое село!
 Какие дома!

А солнца, солнца сколько на свете!
 Раскинуть руки и полететь!
 Она бежала, как бегают дети,
 Когда им радость некуда деть,

Бежала, наскоро сняв ботинки,
 Босая, как в юности, налегке,
 По склону зеленому, по тропинке,
 По стежке-дорожке
 К воде,
 К реке!

В березняке столкнулась с березкой,
 Стряхнула с ветвей остатки дождя.
 И вот уже в поле, за перекрестком,
 Дыхание еле переводя,

Свернула в сторонку, в кусты густые,
И в первую зелень, как в забытье,
Упала.
Смешались цветы полевые
С цветами на сарафане ее.

* * *

Не до сна, когда весна, —
И Алена Фомина
До единого зерна
Проверяла семена.

Удивлялся ей народ
И в артели
И окрест:
«Где и силушку берет?
Когда спит?
Когда ест?»

А когда пришла пора
Сеять,
Также всем на диво
Фомина сварила пиво
Не одно, не два ведра.

Из райкома Михалев
Подъезжает утром ранним.
— Что у вас за ликование? —
Но в ответ молчат сельчане,
Не добиться и трех слов.

Да зачем ему ответ?
Знает все,
Хоть смотрит строго.
— Сеять начали иль нет?
Я приехал дать совет;
Для начала хоть немного,

Хоть заречный уголок
Вперекрест засеять надо,
Испытать... —
Алена рада
Сделать все, и сделать в срок.

Все!..
И тут же весь народ
На вечер к себе зовет:
Обо всем, мол, вечером
Сговоримся за пивком.
(Не о свадьбе ль речь идет?)

У самой глаза горят,
Праздничен ее наряд.
Что-то женщина скрывает,
Но глаза не говорят.

«Вперекрест так вперекрест!
И за то поднимем тост...»
Дескать, пиво надо пить,
Чтобы засухе не быть.

Сбила с толку всех...
Но вот
По селу упряжка скачет.
Тут как ахнет весь народ:
— Муж Алены, не иначе!

И бывают же порой
Чудеса на свете белом!
Столько лет — и вот он, целый...
Партизанил...
Жив герой!

Петр ступил одной ногой
В желтый слой дорожной пыли,
Не успел ступить другой,

Как его
обступили,
Оторвали от земли,
Подхватили,
Понесли.

В ладном кителе, высокий,
По рукам Фомин ходил.
Молодой, каким и был,
Хоть бородку отпустил,
Не побриты даже щеки.

А Аленушка, Аленка,
Затаясь, стоит в сторонке,
Только улыбается,
Вся как будто светится,
Словно бы красавица
Заново невестится.

Мать, старушка Фомина,
Загодя извещена,
Так же — рядом с нею — жалась,
Незаметна,
Невидна.

Постояли в стороне,
Повздыхали —
И взмолились:
— Дайте ж нам!
Дайте мне! —
И соседи расступились.

Мать к сынку,
К его груди,
К сердцу
Первая прильнула,
Отогрелась и шепнула:
— Ну, теперь к жене иди!

Свет ли, слезы ли из глаз
У Алены?
Сердце пело.
Муженька на первый раз
Даже и не разглядела.

А лишь начал шум стихать,
Стала улица просторней,
Дуня бросилась к Алене
И давай
Целовать...

Петр Фомин домой пришел,
Отдохнул, надел рубашку,
Пояс... Ворот нараспашку...
Вышивка...
И, как на пашне,
Молвил:
— Вот как хорошо!

Китель свой и ордена
Положил в сундук сосновый.
Выпил первую до дна
И сказал, смеясь, Козлову:
— Видел, что творит жена!

Сеять надобно чуть свет,
А у ней в колхозе праздник.
Оттого и безобразье —
Мужней власти в доме нет!

Подошедший Михалев
С Фоминым уселся рядом,
Стол обвел веселым взглядом
И спросил:
— Ну, жив-здоров?

Надоело воевать?
— Да, не так чтоб надоело —
Некогда!

Тоска заела,
Как весна пришла опять.
Хоть война — ведь тоже дело.

— А теперь куда?
— К своим,
Прочу к женке под начало.
— Рядовым иль генералом?
— Да взяла бы рядовым!

Как у вас? —
Фомин спросил.
— Так же, как по всей отчизне:
Коль не ищешь тихой жизни,
То на все хватает сил.

39

Дрожжи дали для Козлова:
Езди по полю, следи,
Чтоб работа шла толково,
Не стояли б лошади.

Он уселся у межи
На запущенном загоне.
Перед ним, как на ладони,
Посевные рубежи.

До пятнадцати борон
Строем по полю ходило.
У него в глазах рябило
От грачей и от ворон.

Только сей теперь! Пора!
Воротились люди с фронта,
Вся страна в полях с утра,
И вокруг —
До горизонта,
Дальше — наши трактора.

Отец Алены в свой колхоз
 Откуда-то плакат принес —
 На нем стахановки портрет:
 «Советской женщине привет!»

Старик сказал:
 — Сдается мне,
 Что дочка это в акурат —
 И сам в конторе на стене
 Повесил тот плакат.

«Советской женщине привет!»
 В платочке, в кофте голубой
 Стояла женка средних лет,
 За ней — хлебов прибой,

За ней машины, и станки,
 И книги — потому,
 Что это ныне ей с руки,
 По силе, по уму.

Какую тяжесть подняла
 Она в разгар войны,
 Какой опорой была
 Для всей своей страны!

И Михалев на тот плакат
 («Похожа, точно!»)
 Бросил взгляд,
 Сказал Алене Фоминой:
 — Поклон тебе земной!

Больших дорог, больших побед,
 Больших удач тебе!

«Советской женщине привет!» —
 Висел плакат в избе.

Семь коммунистов, как один,
При этом встали в ряд.
У них медали — за Берлин,
За Прагу, Сталинград.

Алена жала руки всем,
Оживлена, светла.
— Я счастлива.
Теперь нас — семь.
Давайте ж за дела,

Да всем селом да в добрый час...
Какое счастье знать,
Что может вся земля на нас
Равнение держать!

1944—1949

СОДЕРЖАНИЕ

Мать и сын	3
В родном колхозе	61
Алена Фомина	99

ЯШИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
ТРИ ПОЭМЫ

Редактор *Б. И. Соловьев*

Оформление художника *И. Г. Николаевцева*

Рисунки художника *П. Я. Караченцова*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *А. М. Мискарьянц*

Сдано в набор 13/1 1955 г. Подписано в печать 31/III 1955 г.
А 00585. Бумага 84 × 108/32. Печ. л. 15 1/4. (12,51). Уч.-изд.
л. 10,69. Тираж 20 000. Зак. № 66. Цена 6 р. 35 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., д. № 10.

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. № 1/3.